

УДК 316.33
ББК 60.5
В26

GOETHE
INSTITUT

Перевод выполнен при финансовой поддержке
Гёте-Института

Переводчики:

А.Н. Беляев (Господство, Бюрократизм), *А.Ю. Антоновский* (Патримониализм, Феодализм, Харизматизм, Преобразование харизмы, Сохранение харизмы),
А.В. Михайловский (Государство и иерократия), *М.И. Левина* (Город),
Л.Г. Ионин (Три чистых типа легитимного господства,
Проблемы социологии государства)

Вебер, Макс

В26 Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии [Текст] : в 4 т. / Макс Вебер ; [пер. с нем.] ; сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. — Перевод изд.: Weber Max. *Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie*. 5. revidierte Aufl. Besorgt von Johannes Winckelmann. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1972. — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-0333-1 (в пер.).

Т. IV. Господство. — 542, [2] с. — ISBN 978-5-7598-1516-7 (т. IV).

Книга представляет собой четвертый, завершающий том русского издания труда Макса Вебера «Хозяйство и общество». В него включены работы, посвященные проблемам власти и господства. В первом разделе автор вводит понятие «господство» и рассматривает четыре исторически проявившихся типа господства: патриархализм, патримониализм, бюрократизм и харизматизм. Второй раздел именуется «Город»; это целостный исторический очерк становления европейского города как специфической общности, предполагающей особый тип господства. Последний, третий раздел включает статьи, в которых даются краткие характеристики четырех упомянутых выше типов господства. В отличие от предыдущих томов, носящих преимущественно концептуальный характер, четвертый том содержит богатейший исторический материал. Почти все вошедшие в него работы на русском языке публикуются впервые.

Издание предназначено для социологов, политологов, историков, других специалистов широкого спектра социальных и гуманитарных наук, а также для круга читателей, интересующихся проблемами социального и культурного развития современности.

УДК 316.33
ББК 60.5

doi:10.17323/978-5-7598-1516-7

ISBN 10: 3165385211 (нем.)
ISBN 13: 9783165385212 (нем.)
ISBN 978-5-7598-1516-7 (т. IV)
ISBN 978-5-7598-0333-1

© J.C.B. Mohr (Paul Siebeck)
Tübingen 1921/1972
© Составление. Ионин Л.Г., 2019
© Перевод на русский язык,
оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2019

Оглавление

Предисловие научного редактора русского издания к тому IV 6

Том IV ГОСПОДСТВО

I. Социология господства	17
Господство.....	17
Бюрократизм.....	29
Патримониализм	72
Феодализм.....	137
Харизматизм	178
Преобразование харизмы.....	185
Сохранение харизмы	216
Государство и иерократия	227
II. Город	281
1. Понятие и категории города	281
2. Западный город	301
3. Родовой город в Средневековье и в Античности.....	323
4. Плебейский город	350
III. Статьи	404
Три чистых типа легитимного господства	404
Проблемы социологии государства	415
Приложения	419
Глоссарий	421
Словарь иноязычных слов и выражений.....	455
Словарь понятий Макса Вебера.....	465
Библиографический указатель.....	499
Список сокращений	514
Именной указатель	515
Предметный указатель.....	519
Оглавление томов I–IV.....	536

Предисловие научного редактора русского издания к тому IV

Перед вами — четвертый, заключительный том «Хозяйства и общества». Работы, составившие этот том, были написаны (в основном, за исключением двух последних материалов) перед Первой мировой войной и предназначались для многотомного издания «Основы социальной экономики». При жизни Вебера они не были опубликованы, и автор предполагал их переработку. Но смерть не дала ему осуществить свои планы. Впервые эти работы увидели свет в посмертном издании «Хозяйства и общества», осуществленном вдовой автора Марианной Вебер. Именно оно легло в основу последующих немецких изданий, в том числе и последнего, под редакцией Й. Винкельмана, с которого преимущественно и делался русский перевод. Подробно о драматической истории «Хозяйства и общества» можно прочитать во вступительной статье редактора русского издания в томе первом и в его же предисловиях ко второму и третьему томам. Здесь же целесообразно сосредоточиться на характеристике самих работ, вошедших в этот том.

***

Но прежде — несколько замечаний редакционного характера. Любопытный читатель, внимательно знакомившийся с планом издания (оглавление всех четырех томов печаталось в конце каждого из трех предыдущих), легко заметит, что оглавление настоящего тома не совпадает с тем, что было обещано в предыдущих томах. Изменения заключаются в следующем.

1. Изменились *названия* всех разделов, посвященных формам господства. Например, вместо «Раздел первый. Структурные формы и способы функционирования господства» стоит «Господство», вместо «Раздел второй. Предпосылки и развертывание бюрократического господства» — «Бюрократизм» и т.д. Эти, как и все последующие, изменения объясняются развитием веберовских исследований в самой Германии, а конкретнее — выходом в свет очередных томов полного академического собрания трудов Вебера, в том числе тома, посвященного проблематике господства (MWG. 1/22-4). Как сказано выше, наше издание ориентировалось на последнее (а теперь уже предпоследнее) немецкое издание «Хозяйства и общества» под ред. Й. Винкельмана. Проиgnорировать новое издание с его текстологической глубиной и богатейшим научным аппаратом, конечно же, было невозможно. Отсюда и новые названия разделов: как показали редакторы

полного собрания, заголовки в теме «Господство», имеющиеся во всех посмертных изданиях, включая винкельмановское, не восходят к самому Веберу, поэтому и было решено заменить их на более краткие и точные обозначения содержания этих разделов. Новейшему авторитетному изданию следует доверять, тем более что лапидарные обозначения в новом варианте выигрывают в точности и выразительности по сравнению со старыми названиями.

2. Раздел, посвященный харизме (раздел пятый у Винкельмана), разбит в полном собрании на три раздела. Так же и у нас; вряд ли нужно приводить аргументы в пользу этого изменения, особенно с учетом того, что содержание осталось прежним.

3. В обширной статье «Город», составляющей часть II настоящего тома, два последних параграфа — «Плебейский город» и «Античная и средневековая демократия» объединены в один параграф — «Плебейский город». Это соответствует как самой первой посмертной публикации «Города», так и новейшему полному собранию трудов; разбиение на два параграфа было сделано не самим Вебером, а редакторами предыдущих изданий.

4. Действительно существенным является отсутствие обещанного ранее раздела (восьмого в издании Винкельмана), озаглавленного «Рациональное государство как учреждение и современные политические партии и парламенты (социология государства)». Редакторы полного собрания также исключили этот раздел. Дело в том, что он одновременно и принадлежит, и не принадлежит Веберу. Этот раздел скомпилирован Й. Винкельманом из материалов трех других веберовских работ, написанных по совершенно иным поводам и опубликованных в совершенно иных контекстах. Хотя аргументы Винкельмана в пользу созданного им «дополнения» к «Хозяйству и обществу» выглядят существенными¹, включать это дополнение в канонический текст все же не представляется возможным. Тем более что русскому читателю доступны работы Вебера, из фрагментов которых скомпонован этот раздел: *Вебер Макс*. История хозяйства. Очерк всеобщей социальной и экономической истории. Пг.: Наука и школа, 1923 (имеются также более поздние издания на русском языке); *Вебер Макс*. Политические работы. М.: Праксис, 2003; *Вебер Макс*. Политика как призвание и профессия // Вебер Макс. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 644–706.

5. Не отмечались в планах, представленных в предыдущих томах, и две небольшие работы Вебера, завершающие издание. Это также опубликованные в томе «Господство» полного собрания его трудов статья «Три чистых типа легитимного господства» и изложение доклада Вебера «Проблемы социологии государства», прочитанного 25 октября 1917 г. в «Социологическом обществе» в Вене.

---

¹ См. предисловие Винкельмана к четвертому немецкому изданию (т. I, с. 43–46 настоящего издания).

Этим исчерпываются изменения, внесенные в структуру тома по сравнению с проспектом, представленным в предыдущих томах. Все они были обусловлены новыми текстологическими соображениями немецких «вебероведов».

6. Еще одно изменение касается перевода одного из веберовских терминов: *Veralltäglichung*. Если «скалькировать» это немецкое слово, получается русский термин «оповседневнивание». На первый взгляд он может показаться чересчур громоздким, таким он и казался научному редактору русского издания во время подготовки первого тома. Поэтому термин *Veralltäglichung* переводился там словом «рутинизация». Теперь же по некоторым причинам термин «оповседневнивание» представляется более обоснованным. Поэтому в настоящем томе (в отличие от первого) говорится, как правило, об оповседневнивании харизмы, а не о ее «рутинизации».

***

В первом томе «Хозяйства и общества» есть большая глава, посвященная типам господства². Она в несколько раз короче, чем исследование форм господства в настоящем томе, и концептуально гораздо насыщеннее. Но у концептуальной плотности есть своя оборотная сторона. Издатель тома, посвященного проблематике господства, в полном собрании работ Вебера цитирует известного социолога Вильгельма Хенниса, воскликнувшего: «Сколь скудна была бы социология господства, если бы мы знали ее только в виде третьей (новой) главы!»³. Действительно, сама по себе любая концептуальная схема слабо убеждает, пока не раскрыта перспектива ее применения к живой социальной (= исторической) реальности. И семь глав о господстве, вошедшие в настоящий том, а равно и большая работа о городе, как раз и есть опыт применения концептуальной схемы господства в анализе исторической реальности. Макс Вебер — уникальный аналитик, способный увидеть и показать типическое социологическое в единичном историческом. В результате вроде бы сухая схема типов господства начинает блестеть яркими красками живых событий, а сами исторические события перестают казаться набором случайностей и обретают смысл и глубину.

Тем не менее в настоящем предисловии будут кратко охарактеризованы именно основные понятия, на которых базируется сама веберовская схема развития и преобразования систем господства. В нашу задачу не входит оценивание этой концептуальной схемы и составляющих ее понятий. Определять, достаточно ли они эвристичны и точно ли характеризуют описываемое явление или, наоборот, бесплодны и не соответствуют современному уровню развития науки, — это задача исследования и критики. Мы

---

² См. т. I, гл. 3 настоящего издания. С. 252–333.

³ *Hennis W.* Max Weber und Thukydides. Nachträge zur Biographie des Werks. Tübingen: Mohr Siebeck, 2003. S. 163. Цит. по: MWG. 1/22-4. S. XIX.

же пытаемся эксплицировать эту схему только для того, чтобы облегчить читателю вхождение в отнюдь не простой веберовский текст. Надо сказать, что сам Вебер помочь читателю в этом отношении совсем не пытается. В тексте отсутствуют разного рода сноски, пояснения, отсылки, уточнения, т.е. весь тот аппарат, посредством которого работа как бы встраивается в текущий научный процесс. Отсутствие научного аппарата можно объяснить двояко. С одной стороны, перед нами работа, которую автор не подготовил к изданию. Наоборот, он считал, что сочинение не «дозрело» и, как пишут издатели тома, посвященного господству, в немецком полном собрании Вебера, неоднократно, причем довольно резко отказывал издателю в предоставлении давно обещанного текста. Впрочем, в упомянутой выше «третьей (новой) главе», корректуру которой Вебер подписал к печати, научный аппарат также практически отсутствует, хотя она, конечно, более систематизирована, чем сочинения, вошедшие в настоящий том.

С другой стороны, отсутствие всякого рода примечаний, сносок и отсылок объясняется самим стилем работы Вебера, его необычайной эрудицией и свободой в распоряжении материалом. В предисловии к третьему тому настоящего издания было отмечено, что именно эти широта эрудиции и свободное владение материалом зачастую приводили в недоумение коллег, буквально не верящих, что все это могло быть сделано одним человеком. Это, правда, относилось к «Социологии права». Но то же можно сказать и о социологии господства. Вдова Вебера Марианна Вебер свидетельствовала, что он писал это сочинение «из головы», а потому без всяких сносок и примечаний. «Материалы и аппарат ему не требовались, потому что он свободно владел своими универсальными знаниями»⁴.

Было бы жестоко обрекать читателя на встречу один на один с таким текстом, не «адаптированным» к текущим научным потребностям. Поэтому в каждом из томов русского издания, в том числе и в настоящем томе, предусмотрена двоякого рода помощь читателю. Прежде всего, в приложении даны несколько словарей и указателей, к которым читатель может обратиться за разъяснением определенных терминов, имен, концепций. Это: 1) глоссарий, где содержится объяснение некоторых редко встречающихся или специфических научных терминов и исторических реалий; 2) словарь переводов иноязычных слов и выражений, употребляемых в веберовском тексте; 3) словарь специфических понятий социологии Макса Вебера; 4) биобиблиографический указатель, необходимый уже потому, что, ссылаясь на какого-либо автора, Вебер не дает никаких библиографических ссылок. Биобиблиографический указатель частично восполняет этот недостаток. Четыре перечисленных указателя позволили избежать многочисленных сносок внутри самой работы, которые обычно загромождают текст и сильно отвлекают внимание читателя.

---

⁴ *Weber Marianne*. Max Weber. Ein Lebensbild. 3. Aufl. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1984. S. 688.

Кроме того, важной помощью читателю может стать предварительное формулирование некоторых основных понятий и демонстрация складывающейся на их основе концептуальной схемы развития систем господства, что и планируется в данном предисловии.

***

Переходим к самим этим понятиям. Прежде всего возникает вопрос, что такое *господство*. В самом общем виде, по определению Вебера, господство — это вероятность того, что некоторая группа людей будет повиноваться некоему приказу (или приказам). То есть это не любая возможность реализации власти или влияния. Господство проявляется в подчинении, которое каждый раз может побуждаться разными мотивами — от простой привычки до чисто целерациональных соображений, но при этом каждому подлинному отношению господства будет свойствен определенный минимум *желания подчиниться*, а следовательно, внешней или внутренней заинтересованности в подчинении.

Мотивы, которыми руководствуется подчинение, — это и есть основание *легитимности господства*. Мы знаем, что, согласно Веберу, есть три типа легитимности: традиционная, харизматическая и рациональная. Соответственно существуют три типа господства в зависимости от типа его легитимности: традиционное (легитимация в силу традиции), харизматическое (в силу харизмы господина), легально-рациональное (легитимация в силу соответствия господства правовым нормам). Конкретные формы господства, анализируемые в данном томе: бюрократизм, патриархализм, патримониализм, феодализм (в нескольких его разновидностях), харизматизм (в разных его проявлениях), а также город как воплощение некоего специфического типа — нелегитимного господства. При этом патриархализм, патримониализм, феодализм представляют традиционный тип господства, харизматизм — харизматический тип, а бюрократизм — легально-рациональный.

Повторим, что цель здесь не критика социологии господства Вебера и не оценка его концепции, а просто создание некой упрощенной «модели» книги для облегчения работы читателя. Попытаемся далее кратко охарактеризовать разные формы господства и несколько более подробно остановимся на «нелегитимном» господстве.

Итак, *патриархализм* — первая из рассматриваемых Вебером форм господства. Это ситуация, когда некоторой общностью (таковой может быть род, племя, семья в самом широком смысле слова, вообще домашняя или хозяйственная общность) единолично и неограниченно управляет индивид, получивший свою власть по праву наследования. Это патриарх, владеющий и распоряжающийся всем и всеми в своем домашнем хозяйстве.

Природу патриархализма легче понять в его сравнении с патримониализмом. *Патримониализм* — следующая ступень в развитии хозяйства и его

социальной организации. Патриарх правит в своем роде, семье, домохозяйстве, сколь бы велико оно ни было, — сам. Но, предположим, домохозяйство разрастается настолько, что сыновья патриарха, а может быть, и его рабы со своими семьями образуют собственные хозяйства (хозяйственные единицы), оставаясь при этом зависимыми от патриарха. Он по-прежнему является их господином, но не может управлять ими непосредственно и вынужден создавать, по терминологии Вебера, *штаб управления*. Короче, патримониализм отличается от патриархализма: 1) определенной децентрализацией власти, поскольку управление частично передается вместе с землей сыновьям и/или другим зависимым лицам, и 2) существованием личного штаба управления, который, так же как и определенная военная сила, является инструментом реализации воли господина, ну и тем, что 3) господин здесь не глава рода, семейный владыка, а князь с подданными или землевладелец с зависимыми крестьянами.

Следующая форма господства — *феодализм*. В самом общем виде это господство земельной военной аристократии. Главные формы феодализма, по Веберу, — *ленный феодализм* и *пребендальный феодализм*. При *ленном феодализме* господин наделяет вассала (младшего феодала в феодальной иерархии) землей («леном») в обмен на клятву верности и готовность служить ему либо в управлении, либо на войне в случае военных действий. Клятва верности — это знак сугубо личных отношений господина и его вассала. Совокупность вассалов представляет собой штаб управления феодального господина.

Иначе устроен *пребендальный феодализм*. В отличие от *ленного* он не предполагает отношений личной верности, а существует лишь в силу пожалованных землевладений, прав на налоговые сборы и т.п., т.е. в условиях господства *пребенды*. Это очень важное понятие. Германская *пребенда* — примерно то же самое, что и латинский *бенефиций*. В средневековой Европе *пребенда* — это право на доход и имущество (земельные владения, дома для жительства клира, доходы от сборов, денежное жалованье), которым обладают духовные лица всех категорий, как на вознаграждение за исполнение должности, чаще всего церковной. В более широком смысле данный термин может применяться и по отношению к светскому чиновничеству. Кроме того, это доходы и возможности, получаемые патримониальными подданными (сюда входят государственные кредиторы, частные поставщики военных и налоговых услуг, неоплачиваемые кондотьеры и солдаты, наконец, кандидаты на должности). Они получают все это от феодального господина (князя, епископа) в обмен на оказание ему политической или военной поддержки. Как правило, в качестве *пребенды* выступают доходные места в управлении или воинской службе, предполагающие использование товаров и продовольствия из кладовых господина, пользование служебной землей, присвоение возможностей рент, платежей и налогов, апроприация лена и др. Обычно *пребенды* со временем апроприируются, т.е., по сути

дела, присваиваются. Иными словами, как сама должность, так и все связанные с ней материальные и административные преимущества и привилегии становятся собственностью того, кто эту должность исполняет.

Патриархализм, патримониализм, феодализм во всех его разновидностях — это все формы *традиционного господства*. Остаются еще харизматический и легальный типы. *Харизматическое господство* обусловлено преклонением перед харизматическим господином и подчинением ему, оно легитимно лишь постольку и до тех пор, поскольку и пока личная харизма господина признана и востребована учениками, соратниками и приближенными. *Харизма* — это некое качество индивида, в силу которого он слышит одаренным сверхъестественными, сверхчеловеческими или, по крайней мере, особо исключительными, никому больше не доступными силами и способностями либо считается посланцем богов, образцом, достойным подражания, и поэтому вождем, героем, гением и т.п.

Легальное господство — господство, которое основано на вере в законность зафиксированных в формальных актах правил и прав распоряжения, принадлежащих тем, кто призван к господству на основе этих актов. Наиболее полно реализуется в *бюрократизме*.

Остается понять, что такое *нелегитимное господство*. Можно было бы предположить, что это господство путем чистого насилия, которое не заботится о своей легитимации, когда господин добивается своих целей вопреки воле тех, над кем господствует. Но это было бы неправильно, потому что такое положение дел не отвечает самому понятию господства, как оно определено Вебером и воспроизведено нами выше. Господство всегда предполагает определенное *желание подчиниться* тому, кто господствует, и определенный мотив подчинения. Типы мотивов, как было сказано, это и есть типы легитимности господства.

В упоминавшемся выше издании Винкельмана представленная в этом томе работа «Город» имела другой заголовок: «Нелегитимное господство (типология городов)». Разумеется, он не был просто выдуман Винкельманом. Такое название имелось в одном из составленных самим Вебером проспектов подготавливаемого труда по теме господства. Независимо от того, как правильно называть эту статью (а правильно, очевидно, «Город»; именно так согласно имевшейся рукописи была озаглавлена первая, посмертная публикация статьи в 1921 г.⁵), становится ясно, что Вебер связывает возникновение данного типа господства с развитием городов. Конкретнее — с процессами формирования городских коммун в ходе узурпации (а то и «революционной узурпации») прав возникающими общностями бюргеров независимо от желаний или даже вопреки желаниям легитимных властей. Совершается «изначальная узурпация посредством внезапного акта обоб-

---

⁵ Weber Max. Die Stadt. Eine soziologische Untersuchung // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 1921. Bd. 47. Heft 3.

ществления», возникает «клятвенное побратимство (*conjuratio*) бюргеров»⁶. «...Во Франции возникновение городских общностей в крупных старых городах частью происходило путем узурпации союзами бюргеров, купцов и городских получателей рент, объединявшихся либо с живущими в городе рыцарями (на юге), либо с братствами (*confraternitates*) и цехами ремесленников (на севере страны)»⁷. Особенно ярко и четко процесс узурпации прорисован Вебером на примере конституирования *popolo* в итальянских городах XII в. По собственной характеристике Вебера, община *popolo* была первым «осознанно нелегитимным и революционным политическим союзом». Эта осознанная нелегитимность заключалась в том, что, являясь особой политической общиной внутри коммуны со своими должностными лицами, собственными финансами и военными силами, она «была в подлинном смысле слова государством в государстве»⁸.

В «Городе» Вебер приводит множество других примеров становления политических союзов путем «узурпации» — возникновение общины римского плебса или организацию афинской демократии времен Перикла: «его власть основывалась не на законе или должности, а на личном влиянии и доверии демоса. Она была, следовательно, не только нелегитимной, но и нелегальной»⁹.

Ни в «Городе», ни в других работах, посвященных проблематике господства, нет однозначных высказываний, которые позволили бы четко определить систематическое место «нелегитимного господства» в типологии форм господства. Пожалуй, единственное упоминание, заслуживающее внимания в этом отношении, — в докладе, который состоялся 25 октября 1917 г. в Социологическом обществе в Вене. В настоящем томе доклад приводится в изложении. Неизвестный референт пишет: «В заключение он (докладчик. — Л. И.) перешел к показу того, как современное развитие западного государства постепенно ведет к формированию *четвертого типа идеи легитимности* — такого господства, которое, по крайней мере официально, выводит свою легитимность *из воли тех, над кем оно господствует* (курсив мой. — Л. И.). В своей начальной стадии она далеко отстоит от всех современных демократических идей. Ее специфическим носителем является *западный город как социологическое образование*, которое отличается от всех других подобного рода городских образований всех времен и народов как по типу своего возникновения, так и по своему социологическому смыслу, как в Античности, так и в Средневековье. В своих наиболее развитых вариантах такая легитимность изначально зиждется на том, что

---

⁶ См. с. 313 настоящего тома.

⁷ Там же. С. 317–318.

⁸ Там же. С. 351.

⁹ Там же. С. 361.

оборонительный союз граждан города складывается как клятвенное братство и *управляет сам собой посредством чиновников* (курсив мой. — Л. И.)»¹⁰.

Думается, что есть достаточно оснований дополнить веберовскую классификацию типов господства нелегитимным господством. Возможно, именно эта категория должна была играть важную роль в планировавшейся Вебером, но так и не состоявшейся социологии государственных переворотов и революций.

***

Хочу поблагодарить всех переводчиков, которые не только отважились взяться за трудный текст такого сложного автора, как Макс Вебер, но и сумели довести перевод до конца. Как редактору русского издания, мне, может быть, и хотелось бы списать на переводчиков неизбежные в таком большом и сложном издании неточности и ошибки, но мне пришлось вложить столь много труда в проверку терминов, интерпретацию понятий и связанное с этим часто очень значительное изменение текста, что кажется правильным принять на себя ответственность за все недостатки перевода.

Благодарю д.с.н., профессора А.И. Черных за внимательное прочтение материалов данного тома и высказанные важные замечания. Ее постоянная поддержка играла важнейшую роль на всех этапах реализации этого многосложного и трудоемкого проекта — русского издания «Хозяйства и общества».

Огромная благодарность Научной библиотеке НИУ ВШЭ в лице ее директора Н.Ю. Максимовой и старшего эксперта Н.Б. Шулики за поистине бесценную помощь в обеспечении необходимой литературой.

Не могу не выразить благодарность Фонду Александра фон Гумбольдта (Alexander von Humboldt-Stiftung, Bonn), с которым я имел счастье сотрудничать в течение нескольких десятилетий и который, в частности, оказал важную помощь в выполнении настоящего проекта.

В качестве научного редактора перевода я подготовил весь представленный в приложении научный аппарат тома: глоссарий, словарь иноязычных слов и выражений, словарь понятий Макса Вебера и библиографический указатель, предметный указатель, а кроме того, постраничные примечания в тексте, за исключением тех, источник которых указан особо. Разумеется, выполнение всех этих крайне сложных работ было бы невозможным без использования богатейшего справочного материала и комментариев к тексту Вебера, имеющихся в томах «Хозяйство и общество. Господство» и «Хозяйство и общество. Город» полного собрания работ Вебера (MWG. 1/22-4 и 1/22-5).

Л. Ионин

---

¹⁰ См. с. 417 настоящего тома.

Том IV

ГОСПОДСТВО

I. СОЦИОЛОГИЯ ГОСПОДСТВА

ГОСПОДСТВО

1. Власть и господство. Переходные формы

Господство в самом общем смысле, не связанном с его конкретным содержанием, является одним из важнейших элементов действия общности¹. Хотя господство имеет место не во всяком таком действии, оно все же играет важную роль в большинстве типов действия, даже там, где на первый взгляд кажется отсутствующим. Например, в языковых общностях. Скажем, объявление какого-нибудь диалекта по приказу властей рабочим языком канцелярий может сыграть решающую роль в образовании крупных общностей, спаянных единым литературным языком (например, Германия). Или, наоборот: политическое разделение фиксирует уже существующую языковую дифференциацию (Голландия и Германия), а господство, на практике осуществляемое в школе, окончательно и на глубочайшем уровне закрепляет тип и перевес официального школьного языка. Все без исключения области действия общности демонстрируют самое глубокое влияние структур господства. В подавляющем большинстве случаев именно господство и способ его реализации есть то, что рождает из аморфного действия общности рациональное обобществление², если же этого не происходит, все равно именно структура господства и ее развертывание формируют действие общности, однозначно определяя его ориентацию на некую цель. Особенно существенную роль факт господства играет в наиболее важных с экономической точки зрения структурах прошлого и настоящего — в землевладении, с одной стороны, и крупном капиталистическом производстве — с другой.

Господство, как мы сейчас увидим, есть частный случай власти. Но, как и любая форма власти, оно не используется его обладателем исключительно или даже постоянно для удовлетворения чисто экономических интересов, скажем, для обеспечения продуктами хозяйствования. Хотя, конечно, распоряжение экономическими благами, т.е. экономическая власть, является частым, а иногда запланированным и желаемым результатом господства и так же часто одним из его важнейших инструментов. Но, как мы покажем [с. 18–20; здесь и далее при отсутствии указания на том см. т. IV], не всякая экономическая власть выражается в господстве в принятом здесь

---

¹ Объяснение специфических веберовских терминов см. в словаре понятий Макса Вебера в конце настоящего тома.

² См. словарь понятий Макса Вебера.

смысле слова. И не каждое господство использует для своего основания и сохранения инструменты экономической власти. Правда, в самых важных и самых распространенных формах господства именно это и происходит, причем так и в таком объеме, что применение экономических инструментов для поддержания господства решающим образом воздействует на саму его структуру. Кроме того, большинство экономических общностей, в том числе наиболее значимые и современные, демонстрируют наличие структур господства. И наконец, структуры господства, даже несмотря на то что их своеобразие не связано однозначно с определенной экономической организацией, в большинстве случаев экономически релевантны и, в свою очередь, так или иначе экономически обусловлены.

Мы намерены сначала представить по возможности более широкие и потому менее конкретные, а иногда даже не совсем четко формулируемые положения о связи форм хозяйства и господства. Для этого прежде всего надо точно определить, что такое господство и как это понятие соотносится с общим понятием «власть». Господство как власть в широком смысле, т.е. как возможность подчинить поведение другого собственной воле, может существовать в самых разных формах. Если, например, как это иногда делается, мы считаем властью притязание, которое закон признает за кем-то одним по отношению к другому или другим, не наделенным таким же правом, например право требования кредитора по отношению к должнику, то в результате мы истолковываем всю сферу современного частного права как децентрализацию господства в руках тех, кто имеет право в силу закона. Тогда можно сказать, что рабочий имеет власть, т.е. «господствует», над предпринимателем в том, что касается зарплаты, на которую претендует, а чиновник имеет власть над монархом в отношении размера полагающегося ему содержания и т.д., что терминологически было бы явной натяжкой, во всяком случае дало бы лишь временное понятие господства, ибо, например, распоряжение судьбы в отношении осужденного имеет все же качественно иной характер, чем «распоряжение» кредитора как обладателя неких прав в адрес еще не осужденного должника. Господство также может проявиться в светском салоне и на рынке, на профессорской кафедре и на полковом плацу, в любовной связи и в благотворительной деятельности, в научной дискуссии и в спорте. В столь обширном объеме понятие господства не имеет научной перспективы. Исчерпывающая казуистика всех форм, условий и содержаний «господствования» в таком широчайшем понимании здесь невозможна. Поэтому пока обратим внимание на то, что наряду с многочисленными иными вариантами существует два диаметрально противоположных типа господства. С одной стороны, господство в силу констелляции интересов (особенно возникновения монополии), с другой — господство в силу авторитета (права отдавать приказы и обязанности повиноваться). В первом случае самый чистый тип — это монопольное господство на рынке, во втором — отеческая, должностная или княжеская

власть. В первом случае господство существует в силу воздействия — на основе гарантированного каким-либо образом владения (или какой-то востребованной рынком способности) — на преследующее исключительно собственный интерес формально *свободное* действие подчиняющегося господству индивида. Во втором случае — в силу независимой от всех иных мотивов и интересов простой обязанности повиноваться. Оба варианта легко переходят друг в друга. Например, крупные центральные банки или большие кредитные институты благодаря монополистическому положению часто господствуют на рынке капиталов. Они диктуют условия предоставления кредита, т.е. воздействуют на экономическое поведение кредитующихся в целях обеспечения ликвидности собственных средств, поскольку кредитующиеся в своих интересах вынуждены принимать эти условия и даже обеспечивать гарантии их выполнения. Кредитные институты при этом не используют *авторитет*, т.е. существующее вне зависимости от каких-либо интересов право на повиновение фактически повинующихся; они преследуют собственные интересы и продвигают их как раз в силу того, что повинующиеся, действуя формально свободно, следуют своим, т.е. в данных обстоятельствах насильственно навязанным, рациональным интересам. В той же позиции находится любой обладатель даже неполной монополии. Несмотря на существующую конкуренцию, он может в определенных границах предписывать цены партнерам и конкурентам, т.е. собственным поведением принуждать их к выгодному для него поведению, хотя при этом ни в малейшей степени не навязывает им *обязанность* повиноваться его господству. Всякий типичный способ господства в силу констелляции интересов, в особенности в силу монопольного положения, может быть преобразован в авторитарное господство. Например, для улучшения контроля банки могут потребовать включения своих директоров в наблюдательный совет кредитуемой фирмы, а наблюдательный совет отдает правлению приказы, которым оно обязано повиноваться. Или же эмиссионный банк подвигает крупные банки к заключению картельного соглашения и при этом, опираясь на свою властную позицию, старается получить полный контроль и возможность регламентации их поведения по отношению к клиентам в валютно-политических или конъюнктурно-политических либо — если он сам подвержен политическому влиянию — в чисто политических целях, например, для финансирования подготовки к войне. Если бы удалось добиться такого контроля и затем зафиксировать в регламентах его форму и направленность, возникли бы особые инстанции и иерархии для решения возникающих проблем, и чем строже эти инстанции были бы оформлены (а все это теоретически допустимо), тем скорее господство уподоблялось бы авторитарному господству государственной бюрократической инстанции по отношению к подданным, а повиновение приняло бы характер авторитарного отношения подчиненности. То же самое справедливо по отношению к господству владельцев пивоварен над хозяевами пив-

ных, которым первые в свое время предоставили средства для запуска дела, или группы издателей, названных издательским картелем, — над книготорговцами, или Standard Oil Company — над продавцами нефтепродуктов, или конторы угольного синдиката — над розничными торговцами углем. В результате все эти вроде бы независимые субъекты постепенно превращаются в наемных агентов по сбыту, сидящих на проценте, зависящих от своих «работодателей» и по типу зависимости почти не отличающихся от других сотрудников; они также подчиняются «шефу», только работают как бы на выезде, вроде ремонтников и других частных служащих. Между фактической долговой зависимостью и формальным долговым рабством (в древности) или между зависимостью ремесленника в экспортной отрасли от знающего рынок купца и жесткой дисциплиной домашнего производства и надомной работой с авторитарным регулированием (в Средневековье и Новом времени) нет непреодолимой пропасти, а есть ряд ступеней. И существует множество переходных форм, вплоть до позиций конторщика, техника, рабочего в мастерской, которые нанимаются путем формально «равноправного» договора при формально «добровольном» согласии с «предложенными» условиями, но дисциплина которых, по сути, мало чем отличается от дисциплины госучреждения или даже военной службы. Правда, отличие военных от остальных названных категорий состоит в том, что место рабочего или служащего может быть занято и освобождено добровольно, военная же служба у нас (в отличие от старого договора о военном найме) обязательна³, и это различие важнее, чем различие между работой в госучреждении и в частной компании. Но поскольку политическое отношение подданства может быть принято добровольно и в определенном объеме добровольно разорвано, так же как и феодальные, и в определенной степени даже патримониальные зависимости прошлого, то переход к полностью недобровольному и со стороны подчиненного обычно неразрываемому чистому авторитарному отношению (например, рабство) тоже носит постепенный характер. Естественно, в любом авторитарном обязательном отношении фактически остается некий минимум собственного интереса подчиняющегося к подчинению, неизбежный побудитель подчинения. Так что и здесь все плавно и постепенно. Если же мы хотим провести различия в этом непрерывном потоке форм, не имеющих четких переходов, нужно отталкиваться от полярной противоположности между, например, чистым рыночным обменом, который ориентирован на компромисс интересов, т.е. фактической властью, вырастающей из владения как такового, и авторитарной властью отца семейства или монарха, апеллирующих единственно к долгу послушания. Но многообразие форм власти, разумеется, не исчерпывается этими примерами. Даже владение как таковое

---

³ Всеобщая воинская обязанность вводилась в немецких государствах в течение XIX в., а в Германском рейхе существует с 1871 г.

может быть основанием власти не только в форме рыночной власти. Как мы уже видели [т. II, с. 38–41], даже в социально недифференцированных отношениях оно, будучи связанным с определенным образом жизни, оказывается как таковое основанием далеко идущей социальной власти в соответствии с социальным статусом отца либо дамы — хозяйки салона, — основанием, на котором «стоит» дом. Такие отношения при определенных условиях могут приобретать буквально авторитарные черты. Не только рыночный обмен, но и конвенциональный обмен любезностями в светском общении порождают господство в широком смысле — от «светских львов» до патентованных *arbitrari*⁴ императорского Рима и «дворов любви» дам Прованса⁵. Такие структуры господства обнаруживаются не только в области частных рынков или отношений. *The Empire State*, точнее, задающие в нем тон авторитарные и рыночные персонажи, даже не располагая формальным правом отдавать приказы, могут осуществлять далеко идущую, иногда деспотическую гегемонию. Примером могут служить Пруссия в Таможенном союзе и в Германском рейхе или — в гораздо меньшей степени — Нью-Йорк в Америке; прусское чиновничество вело себя так в Таможенном союзе потому, что территория Пруссии представляла собой крупнейший и важнейший рынок сбыта товаров, а в немецком федеральном государстве — отчасти потому, что управляло самой разветвленной сетью железных дорог, самым большим числом университетских кафедр и т.д. и вполне могло нейтрализовать соответствующие органы формально равноправных государств, частично же по другим сходным причинам; Нью-Йорк — в силу сосредоточения крупных финансовых империй на небольшом политическом пространстве. Все это — формы власти, возникшей из констелляции интересов, тождественные или близкие власти, рождающейся из рыночных отношений, которые, однако, в ходе развития легко могут превратиться в формально урегулированные отношения *авторитета*, или, в более точной формулировке, могут быть обобществлены как гетерокефалия отдачи приказов и аппарата принуждения. Надо отметить, что чисто рыночное или обусловленное констелляцией интересов господство может именно в силу своей неформализованности восприниматься как намного более гнетущее, чем авторитарное отношение, которое прямо предполагает повиновение как обязанность. Но на этом нельзя базировать социологическое образование понятий. В дальнейшем мы будем употреблять понятие

---

⁴ Перевод и разъяснение встречающихся в тексте слов и выражений на иностранных языках см. в словаре иноязычных слов и выражений в конце настоящего тома (с. 455–464).

⁵ Разъяснение специальных терминов, исторических реалий, а также исторических и географических названий, встречающихся в этой и последующих главах, дается в глоссарии, словаре понятий Макса Вебера и библиографическом указателе (с. 421–454, 465–513).

«господство» в узком смысле — в противоположность власти, возникающей в силу констелляции интересов, особенно рыночного характера, которая формально основана на свободной игре интересов, т.е. мы будем считать господство тождественным авторитарной власти приказа.

Следовательно, под господством здесь понимается такое положение дел, при котором объявленная воля (приказ) господствующего или господствующих должна определять и фактически определяет действие других (подчиняющегося или подчиняющихся) таким образом, что данное действие в социально значимом отношении разворачивается так, *как если бы* подчиняющиеся сделали содержание приказа (просто в силу его наличия) максимумом собственного действия (подчинение).

1. Громоздкая формулировка с оборотом «как если бы» (конечно, если мы готовы принять за основу предложенное определение) представляется все же неизбежной, потому что для наших целей недостаточно только внешних результатов, т.е. факта следования приказу, нам безразличен также мотив принятия приказа как действующей нормы. При этом каузальная цепочка от отдачи приказа до его исполнения в разных случаях выглядит по-разному. Уже чисто психологически приказ может реализовываться благодаря эмпатии, внушению или рациональному убеждению либо комбинациям этих основных форм воздействия людей друг на друга. Так же обстоит дело и с конкретной мотивацией: приказ в каждом отдельном случае может исполняться по причине уверенности в его правильности, или из чувства долга, страха, по привычке, или чтобы извлечь выгоду, причем различие мотивов *необязательно* имеет социологическое значение. Но в то же время социологический характер господства, как мы увидим, будет меняться каждый раз в зависимости от базовых различий в основе действенности господства.

2. От обсуждавшегося ранее широкого смысла господства как стремления «представить-себя-значимым» (на рынке, в салоне, в дискуссии, где угодно) к используемому нами более узкому понятию ведут, как мы видели, многочисленные переходные ступени. Мы намерены кратко остановиться на более четком разграничении этих двух смыслов господства. Прежде всего, отношение господства, разумеется, может быть двусторонним. Современные чиновники различных ведомств, например, могут взаимно подчиняться приказам друг друга, каждый в сфере своей компетенции. Здесь не возникает понятийных сложностей. Однако господствует ли, например, при заказе пары сапог сапожник над клиентом или же клиент над сапожником? Ответ в каждом конкретном случае был бы различным, но почти всегда гласил бы, что воля каждого из них в *части* процесса воздействует на волю другого даже при условии сопротивления со стороны последнего, и в этом смысле — господствует. Но на таком фундаменте трудно основать строгое понимание господства. Сказанное относится и ко всем другим отношениям обмена, даже идеальным. Если, например, как это часто бывает

в Азии, деревенский ремесленник служит на постоянной должности, будет ли он господствующим в рамках своей профессиональной компетенции или станет объектом господства, и если верно последнее, то кто господствует над ним? В этом случае стоило бы использовать понятие «господство» лишь для отношений между ремесленником и его подмастерьями, с одной стороны, и между ним и «начальством», т.е. лицами, имеющими право ему приказывать и его контролировать, — с другой; это как раз и будет сведение господства к нашему узкому пониманию. Ровно так же, как позиция ремесленника, будет выглядеть и позиция деревенского старосты, т.е. начальствующего лица. Различие между частным «гешефтом» и общественной «должностью», к которому мы привыкли, есть продукт развития и отнюдь не является повсюду само собой разумеющимся, как у нас. Согласно представлению, популярному в Америке, занятие судьи есть «бизнес», так же как занятие банкира. Судья — это человек, обладающий монополией на *decision* в пользу одной из сторон, благодаря чему она может предъявить другой стороне какие-то требования или, наоборот, защититься от ее требований. В силу этой привилегии он имеет прямые и не прямые, легитимные и нелегитимные выгоды, за право обладания которыми платит часть своих *fees* в кассу партийного босса, предоставившего ему эти выгоды. Мы же, со своей стороны, будем считать деревенского старосту, судью, банкира и ремесленника в равной степени обладающими качеством господства, *когда и только когда* они претендуют на повиновение и встречают повиновение своим приказам как таковым в социально значимой степени. К сожалению, единственно удовлетворяющий нас объем понятия обнаруживается только в связи с правом отдачи приказа, даже если учесть, что в реальной жизни все представляет собой «переходную форму». Само собой разумеется, что для социологического наблюдения решающим является не *идеальное*, т.е. выведенное согласно юридической догме из некоей нормы, но *фактически* существующее право, или факт, что приказы того, кто претендует на авторитет, имеют *фактические* последствия в социально значимой степени. Тем не менее в социологическом анализе предполагается, что фактическое право приказа старается обычно выглядеть как *superadditum* существующего на правовом основании нормативного порядка, и потому социолог должен работать с понятийным аппаратом права.

2. Господство и управление.

Сущность и границы демократического управления

Господство интересует нас здесь в первую очередь постольку, поскольку оно связано с управлением. Любое господство проявляется и функционирует как управление. Любое управление требует господства, ибо для его осуществления необходим кто-то, наделенный властью отдачи приказов. Власть отдачи приказов может при этом быть совершенно незаметной, и господин может слыть и чувствовать себя слугой подвластных. Особенно

это характерно для так называемого *прямого демократического управления*. Демократическим оно называется по двум не обязательно связанным друг с другом причинам, а именно поскольку оно: 1. основывается на предпосылке о том, что в принципе все обладают равной квалификацией для управления общими делами, и 2. минимизирует объем власти по отдаче приказов. Функции управления передаются либо в порядке очередности, либо по жребию, либо путем прямых выборов на относительно короткий срок; все или почти все важные материальные решения подлежат приговору товарищей, функционерам остается лишь подготовка и исполнение решений и так называемое *текущее управление* согласно указаниям общего собрания товарищей. Управление многих частных объединений, так же как политических сообществ (в известной степени до сих пор; по крайней мере это относится к швейцарским землям и городским общинам Соединенных Штатов), наших университетов (в той мере, в какой оно находится в руках ректора и деканов) и многих подобных образований следует данной схеме. Сколь ни урезаны, однако, функции управления, определенная власть отдачи приказов должна быть предоставлена какому-то функционеру, в результате чего его позиция естественным образом постоянно оказывается переходной от технического управления к выраженному господству. Как раз на предотвращение подобного развития направлены демократические ограничения его власти. На равенство участников и минимизацию господства функционеров также часто делают упор управляющие органы *внутри* самого господствующего слоя знати (как в венецианской или спартанской аристократии или аристократии ординарных профессоров немецкого университета), применяющие те же самые демократические формы (очередность, выборность на короткий срок, жребий).

Такой способ управления воплощается обычно в союзах, которые 1. носят локальный характер, или 2. крайне ограничены по числу участников, или 3. слабо дифференцированы по социальному составу, или 4. предполагают решение относительно простых и стандартных задач, но несмотря на это 5. предполагают определенный уровень обучения практическим навыкам расчетов целей и средств. (Таково, например, прямое демократическое управление в Швейцарии и США и — *внутри* привычного круга рутинных задач — также в русском «мире»⁶.) Для нас этот способ управления — не исторический исходный пункт в «ряду развития», а типологический пограничный случай, от которого мы отталкиваемся в нашем анализе. Ни сменяемость, ни жребий, ни собственно выборы в современном смысле не являются «примитивными» формами назначения функционеров в общности.

Всюду, где существует прямое демократическое управление, оно нестабильно. Как только возникает экономическая дифференциация, управ-

---

⁶ В оригинале — *mir*.

ление может оказаться в руках имущих. Не потому, что они превосходят остальных по личным талантам или знанию дела, а просто потому, что они *свободнее*, т.е. могут вести управленческую деятельность наряду с основной работой, лично обеспечивать то, что нужно для управления, ну и — поскольку экономически они независимы — работать за малое вознаграждение или вообще безвозмездно. Для тех, кому приходится зарабатывать на жизнь, отвлекаться на управление означало бы жертвовать дорогим для них временем, а соответственно, возможностью заработка, что по мере роста интенсивности труда становится все более неприемлемым. Гарантией преимуществ, таким образом, оказывается не высокий доход сам по себе, а именно нетрудовой доход либо доход, получаемый от нерегулярной деятельности. Слой современных фабрикантов, например, при прочих равных обстоятельствах чисто экономически гораздо менее свободен, а следовательно, в гораздо меньшей степени способен взять на себя управленческие функции, чем, скажем, в Средневековье класс владельцев поместий или патрицианский слой крупных торговцев с их лишь нерегулярной работой для получения дохода. Точно так же, например, в университетах руководители крупных медицинских и естественно-научных институтов, несмотря на весь свой опыт, оказываются не лучшими, а, как правило, худшими ректорами с точки зрения решения практических управленческих задач, и именно в силу своей профессиональной занятости. Так что чем менее свободны зарабатывающие индивиды, тем в большей степени прямое демократическое управление в условиях роста социальной дифференциации имеет тенденцию перерождения в господство *знати*. Ранее мы уже познакомились с этим понятием; знать мы рассматриваем как слой носителей особого социального престижа, привязанного к особому образу жизни. Теперь к понятию добавляется еще один характерный дополнительный признак: вытекающая из экономического положения этой группы ее особая predisposition к восприятию социального управления и господства как почетной обязанности. Мы можем дать предварительное общее определение знати: это обладатели нетрудового или таким образом получаемого дохода, что работа по его обеспечению, даже если она имеется, оставляет им возможность принятия на себя наряду с профессиональной деятельностью управленческих функций; благодаря своему экономическому положению они ведут характерный образ жизни, позволяющий им в собственных глазах и в глазах окружающих выступать носителями престижа сословной чести и, соответственно, быть призванными к господству. Господство знати часто проявляется в форме возникновения комитетов советников, которые предвосхищают или фактически подменяют постановления общности, благодаря собственному престижу монополизируя в свою пользу процессы решений. В этой форме господство знати в локальных общностях, особенно в соседских союзах, существует с самых древних времен. Различие лишь в том, что древнейшая знать имела совершенно иной характер, чем сегод-

няшня знать рационализированной прямой демократии. Изначально степень достоинства представителя знати гарантировал *возраст*. Независимо от престижа опыта, *естественной* знатью во всех общностях, где социальное действие ориентировано на традицию, т.е. на конвенцию, обычное право и священное право, неизбежно оказываются старейшины. Именно они знают традицию; их мудрое суждение, совет, одобрение (*placet*, *προβούλευμα*, *auctoritas*) гарантируют правильность решения общности товарищей в том, что касается отношений со сверхприродными силами, а их приговор — самый правильный в споре. Старейшины — в условиях приблизительного равенства экономического положения товарищей — просто старшие по годам в своем доме, клане, соседстве.

Однако значимость возраста как такового в рамках общности относительна и непостоянна. Там, где резервы питания ограничены, нетрудоспособный член общности будет обузой. Там, где состояние войны оказывается хроническим, важнее становится не знание традиции, а умение сражаться, и возникает «демократический» протест молодежи против старейшин: *sexagenarios de ponte!* То же самое происходит во все времена воцарения новых революционных экономических или политических, военных или мирных порядков, когда власть религиозных представлений, а следовательно, страх перед священной традицией слабеет или приходит в упадок. Возраст продолжает высоко цениться там, где важна объективная ценность опыта или субъективная власть традиции. Лишение привилегий возраста как такового, однако, происходит, как правило, не в пользу молодости, а в пользу других типов социального престижа. При экономической или сословной дифференциации «советы старейшин» (герузии, сенаты) сохраняют часто только свое традиционное имя, фактически подвергаясь оккупации со стороны знати в отмеченном выше смысле, т.е. *экономической* знати, или со стороны носителей привилегий сословной чести, власть которых базируется в конечном счете на объеме и форме имущества. И напротив, как только возникает возможность, появляются призывы к борьбе против господства знати за демократическое правление в интересах неимущих или же экономически сильных, но лишенных социального престижа групп имущих. А поскольку знать в силу своего сословного престижа сама способна создать войско неимущих из числа экономически от нее зависимых, конфликт становится основанием для образования *партий*. С возникновением борьбы за власть между партиями «непосредственно управляемая демократия» неизбежно утрачивает свой специфический, содержащий только зародыш господства характер. Ибо каждая подлинная партия является образованием, специфическим образом борющимся за *господство*, и потому — как бы ни стремилась она это скрыть — внутри себя партия структурируется в соответствии с названной целью.

Нечто подобное социальному отчуждению, в которое погружается в случае «чистой» демократии общность товарищей, ведущих в принци-

пе одинаковый образ жизни, имеет место, когда социальное образование перешагивает определенную *количественную* границу или же когда *качественная* дифференциация управленческих задач делает проблематичным решение таковых любым из товарищей, пришедших управлять в силу очередности, жребия или выборов. Условия управления массовыми образованиями в корне отличаются от условий управления небольшими союзами, основанными на соседских или личных отношениях. Когда речь заходит об управлении массами, меняется социологический смысл понятия «демократия», причем меняется так, что становится просто бессмысленным искать за этим общим именем какое-то общее содержание. Количественное, а также качественное расширение управленческих задач, во все большей степени вызывающее необходимость обучения и опыта для технического совершенствования управления, в долгосрочной перспективе неизбежно порождает фактическую преемственность в деятельности по крайней мере части функционеров. В силу этого возникает вероятность некоего долговременного образования для целей управления, что одновременно означает: и для целей реализации господства. Такое образование может иметь описанный выше коллегиальный характер объединения знати, а может выступать как монархическая структура с иерархическим подчинением функционеров единому высшему руководству.

3. Господство посредством «организации».

Основы легитимности господства

Господствующее положение любого круга лиц, принадлежащего к любой структуре господства, по отношению к подчиняющимся господству «массам» основывается на «преимуществе малочисленности», т.е. на имеющейся у господствующего меньшинства возможности быстро достичь взаимопонимания и при необходимости организовать и планомерно осуществить рациональное обобщественное действие для сохранения своего господства, благодаря чему угрожающее массовое или общностное действие будет без труда подавлено, если, конечно, противник не предпримет столь же эффективных мер по систематической и планомерной организации обобществления, нацеленного на завоевание собственного господства. Преимущество малой численности полностью реализуется благодаря сохранению в *тайне* знаний, намерений и решений господствующих, что оказалось бы трудным и маловероятным при большой их численности. Любое усиление режима сохранения «служебной тайны» есть симптом либо намерения господствующего ужесточить господскую власть, либо возникновения у него ощущения растущей угрозы. Любое господство, нацеленное на собственное сохранение, есть в определенном решающем пункте *тайное господство*. Специфические же структуры господства, возникающие в ходе обобществления, представляют собой, вообще говоря, круг лиц, призывших исполнять приказы *вождей* и имеющих личный *интерес* в сохране-

нии господства; они участвуют в реализации власти отдачи приказов и их насильственного исполнения, чем служат поддержанию и сохранению господства («организация»). Вождя или вождей, которым власть отдачи приказов не была *поручена* или *вручена* другими вождями, мы будем называть «господами», а находящихся в их особом распоряжении упомянутых выше лиц — «аппаратом». *Структура* господства обретает свои социологические характеристики прежде всего в силу своеобразия отношений между господином или господами и аппаратом, а также между ними обоими и теми, кто подчиняется, и, далее, вследствие специфических присущих ей принципов организации, т.е. распределения власти отдачи приказа. Кроме того, еще и в силу множества разного рода моментов, из которых можно вывести многообразные принципы социологической классификации форм господства. С точки зрения наших ограниченных целей следует, однако, вернуться к тем базовым типам господства, которые обнаруживаются, если задаться вопросом, каковы последние основания, на которых зиждется *действенность* господства, т.е. притязания на повиновение чиновника господину и подданных — им обоим.

С этой проблемой легитимности мы уже сталкивались при рассмотрении правового порядка, и теперь нужно дать более общее обоснование ее значимости. Для любого господства его легитимность не есть предмет только теоретической или философской спекуляции; это основа в высшей степени реальных различий эмпирических структур господства, и причина ее важности в универсальном факте потребности каждой власти — да и вообще каждого жизненного проявления — в самооправдании. Ведь даже простейшее наблюдение показывает: если взять двух людей, чьи судьбы и положение отличаются друг от друга (в том, что касается здоровья, материального или социального статуса или в любом другом отношении), то, даже если причина этих различий чисто случайная, все равно тот, кто оказался в более благоприятной ситуации, чувствует неукротимое желание считать ее «легитимной», собственное положение — «заслуженным», а в проблемах и неприятностях другого искать его собственную вину. То же самое наблюдается и в отношениях между позитивно и негативно привилегированными группами. Легендой каждой высокопривилегированной группы является ее превосходство по самой своей природе, если возможно, по крови. В условиях стабильного разделения власти и, соответственно, сословного порядка, вообще при низкой рациональности представлений о том, как организовано господство, свойственных «массам» до тех пор, пока давление обстоятельств не заставит в них усомниться, негативно привилегированные слои принимают эту легенду. Но во времена, когда чисто классовое положение прямо и очевидно для каждого демонстрирует себя как сила, диктующая человеческую судьбу, легенда привилегированных слоев о том, что человек заслуживает своего жребия, как раз и становится причиной особого негодования и возмущения негативно привиле-

гированных; в позднеантичной, иногда в средневековой и, конечно же, в современной классовой борьбе именно эта легенда и основанный на ней «престиж легитимности» становились и становятся объектом самых мощных и действенных атак.

Организация любого господства (в нашем техническом смысле слова), естественно, глубочайшим образом связана с самооправданием путем апелляции к легитимирующим его принципам. Существуют три таких конечных принципа. 1. Действенность власти приказа может быть выражена в системе установленных (договорных или октроированных) *рациональных правил*, которым подчиняются как общеобязательным нормам в случае, если к ним прибегает тот, кому это положено по правилам. Конкретный носитель власти легитимируется этой системой правил, и его власть легитимна в той мере, в какой она реализуется согласно последним. Подчиняются правилам, а не личности. Или же 2. действенность господства базируется на *личном авторитете*, который может иметь основание в святости *традиции*, т.е. привычного, того, что пребывало неизменным всегда, и эта традиция предписывает повиноваться определенным персонам. Или же, совсем наоборот, 3. действенность господства базируется на чрезвычайном обстоятельстве — на вере в *харизму*, т.е. в откровение или благодать, снизошедшую на определенного человека, — святого, пророка или героя любого рода. Этим трем принципам соответствуют чистые, основополагающие типы структур господства, путем комбинации, смешивания, взаимного приспособления или преобразования которых возникают реальные структуры господства, встречающиеся в исторической действительности. Рациональное обобщественное общностное действие структуры господства обретает свой специфический тип в «бюрократии». Общностное действие, связанное с традиционными отношениями авторитета, типически представлено «патриархализмом». На нерациональном и не основанном на традиции авторитете конкретной личности зиждется «харизматическое» господство. Мы начнем с самого распространенного у нас и самого рационального типа, каковым является современное бюрократическое управление.

БЮРОКРАТИЗМ

Специфический способ деятельности современной бюрократии с. 30. — Место чиновников с. 31. — Предпосылки и сопутствующие проявления бюрократизации. 1. Денежно-экономические и финансовые с. 37. — 2. Количественное развертывание управленческих задач с. 41. — 3. Их качественное преобразование с. 44. — 4. Техническое превосходство бюрократической организации с. 45. — 5. Концентрация средств управления с. 52. — 6. Нивелирование социальных различий с. 54. — Долговременный характер бюрократического аппарата с. 58. — Экономические и социальные последствия бюрократизации с. 59. — Властное положение бюрократии с. 61. — Процесс развития рациио-

нальной бюрократической структуры господства с. 64. — «Рационализация» воспитания и образования с. 68.

Специфический способ функционирования современного чиновничества выражается в следующем.

I. Существует принцип жестких административных *компетенций*, распределяемых на основе правил — законов или управленческих регламентов и состоящий в том, что 1. налицо строгое распределение регулярных видов деятельности, требуемых для достижения целей бюрократически управляемого образования, в качестве служебных обязанностей, 2. властные полномочия, необходимые для исполнения этих обязанностей, также строго распределены и снабжены средствами принуждения (физическими, сакральными, любыми другими), использование которых также ограничено посредством жестких правил, 3. для постоянного регулярного исполнения распределенных таким образом обязанностей и реализации соответствующих прав предусмотрен планомерный набор лиц, обладающих требуемой общей квалификацией.

Эти три момента конституируют в публично-правовых отношениях бюрократическое *учреждение*, а в частнохозяйственных — бюрократическое *предприятие*. В таком виде эти институты полностью сформировались в политических и церковных общностях лишь в современном государстве, а в частном хозяйстве — в самых развитых структурах капитализма. Постоянные учреждения со строгим разделением компетенций — не правило, а исключение даже в таких обширных политических образованиях, какие были на Древнем Востоке, а также в империях германских и монгольских завоевателей и во многих феодальных государственных образованиях. Самые важные дела властитель как раз поручает доверенным лицам, сотрапезникам и служащим при дворе, формулируя конкретные разовые поручения без четко определенных границ полномочий.

II. Существует также принцип *служебной иерархии* и прохождения инстанций, т.е. строго упорядоченная система начальствования и подчинения в системе должностей и надзора высшей должности над низшей, что дает подвластным строго урегулированную возможность апеллировать к вышестоящей инстанции. При полном развитии типа эта служебная иерархия организуется *монократически*. Принцип иерархического чередования инстанций одинаково проявляется в государственных и церковных, а также во всех других бюрократических образованиях, таких, например, как большие партийные организации или крупные частные предприятия, независимо от того, будем ли мы эти частные инстанции тоже называть учреждениями. При полной реализации принципа компетенций, по крайней мере в публичных службах, иерархическое подчинение отнюдь не равнозначно праву высшей инстанции присваивать себе дела (т.е. компетенции) низшей инстанции. Как правило, это невозможно, поэтому в

случае освобождения однажды введенной должности она обязательно будет занята вновь.

III. Работа современного учреждения основана на письменных документах (актах), сохраняющихся в оригинале или черновике, и на работе штаба разнообразных младших чиновников и клерков. Совокупность работающих в учреждении чиновников вместе с соответствующим аппаратом снабжения и документооборота образуют *бюро* (в частных предприятиях нередко именуемое *конторой*). Современная учрежденческая организация принципиально разделяет бюро и частное место жительства, поскольку она вообще отделяет служебную деятельность как особую область от сферы частной жизни, а также служебные деньги и средства от частного имущества чиновника. Такое положение стало результатом длительного развития. Оно одинаково характерно как для общественных, так и для частнохозяйственных организаций, а в последних распространяется даже на самих ведущих предпринимателей. Контора и дом, служебная и частная корреспонденция, служебное и частное имущество принципиально отделены друг от друга, и это тем более заметно, чем последовательнее реализуется современный тип делового поведения, начала которого проявляются уже в Средневековье. Особенностью современного предпринимателя можно считать и то, что он ведет себя на своем предприятии как его «первый чиновник», так же как господствующее лицо в специфически современном бюрократическом государстве считает себя его, государства, «первым слугой»⁷. Представление о том, что государственная работа в бюро и частнохозяйственная — в конторе различны по своей внутренней сути, имеет европейское континентальное происхождение; американцам оно чуждо.

IV. Служебная деятельность, по крайней мере вся специализированная служебная деятельность, предполагает обычно углубленное профессиональное обучение, что также специфически современная черта, которая все более характерна для руководителей и сотрудников частных предприятий, так же как для государственных служащих.

V. В полноценном учреждении служебная деятельность забирает все силы чиновника, даже несмотря на то что обязательное рабочее время в бюро может быть строго ограничено. Нормальность такого положения дел тоже есть продукт долгого развития общественной и частной службы. Ранее нормальным везде считалось прямо противоположное — ведение в виде «побочного занятия» разных прочих гешефтов.

VI. Исполнение чиновниками их служебных обязанностей осуществляется на основе общих, более или менее строгих, более или менее детализированных правил, поддающихся систематическому формулированию. В совокупности они представляют собой особое учение правовой, управ-

---

⁷ «Первым слугой государства» или «первым слугой и чиновником государства» называл себя прусский король Фридрих II.

ленческой, технико-организационной направленности, которым должны владеть чиновники.

Опора на правила столь глубоко укоренена в сущности административной работы, что современная наука считает даже, что, например, предоставление законом государственному органу права на упорядочение определенных сфер жизни путем выработки предписаний уполномочивает орган не на регулирование от случая к случаю путем отдачи приказов, а только лишь на выработку и контроль реализации абстрактных правил. Налицо, таким образом, полная противоположность, например, патримониализму, где регулирование, как мы увидим далее, сводится к предоставлению индивидуальных привилегий и оказанию милостей (в случаях, разумеется, отношений, не освященных традицией).

Все это порождает ряд последствий для внутреннего и внешнего положения чиновника.

I. Служба — это *профессия* и *служение*⁸. Это проявляется прежде всего в необходимости обязательного обучения, требующего времени и напряжения сил, а также обычно сдачи экзамена как условия принятия на должность. Кроме того, это проявляется в специфике позиции чиновника, предполагающей наличие «служебного долга», определяющего внутреннюю структуру отношений, в которые входит чиновник. Занятие должности юридически и фактически трактуется не как получение чиновником потенциального источника рентных или побочных доходов в обмен на исполнение определенных обязанностей — что было обычным в Средневековье и иногда вплоть до Новейшего времени, — и не как обыкновенный обмен услугами на возмездной основе — как в случае свободного трудового договора, а совсем иначе: вступление в службу даже в частном секторе трактуется как принятие особого *долга служебной верности* в обмен на обеспечение средств гарантированного существования. Специфический характер современной служебной верности состоит в том, что в чистом виде она представляет собой не отношение к конкретному лицу по типу вассальной или апостольской верности — как, например, в феодальных или патримониальных структурах господства, — а служение безличной *функции*. За этой функцией обычно скрываются идеологически истолкованные суррогаты земного или сверхъестественного персонифицированного господина, т.е. считающиеся реализованными в данной общности идеи культурных ценностей, таких как «государство», «церковь», «община», «партия», «фирма». Политический чиновник, например, по крайней мере в современном развитом государстве, не считается личным прислуживающим властителя. Но ведь и епископ, священник, проповедник, по существу, не являются уже, как в раннем христианстве, носителями персональной харизмы, надмирные священные дары которой они, по личному поручению господина

---

⁸ См. *Профессия и Призвание* в словаре понятий Макса Вебера.

и будучи лишь перед ним ответственными, предлагают тем, кто, как представляется, этих даров достоин и к ним стремится. Хотя эта старая теория частично жива, они лишь чиновники на службе функции, которая в нынешней церкви одновременно и овеществлена, и вновь идеологически санкционирована.

II. *Личная* позиция чиновника поэтому выглядит следующим образом.

1. Современный чиновник — все равно, находящийся на государственной или на частной службе, — стремится обладать и чаще всего обладает специфически высокой по сравнению с теми, кем он управляет, «сословной» *социальной оценкой*. Его социальная позиция защищена предписаниями по соблюдению порядка рангов, а в случае политических чиновников — особыми уголовно-правовыми определениями типа «оскорбление должностного лица», «надругательство» по отношению к государственным и церковным органам и символам и т.д. Фактическое социальное положение чиновников обычно выше всего там, где в странах старой культурной традиции высока потребность в профессиональных управленцах и при этом налицо глубокая и устойчивая социальная дифференциация, а чиновники вследствие социального распределения власти или из-за дороговизны обязательного профессионального образования и ограничивающих сословных конвенций рекрутируются в основном из социально или экономически привилегированных слоев. Влияние образовательных сертификатов (мы рассмотрим его позже [с. 68–71]), с обладанием которыми связана служебная квалификация, естественным образом усиливает сословный компонент в социальной позиции чиновника. Иногда это открыто подтверждается выразительными фактами: в немецкой армии, например, есть правило, согласно которому переход от состояния аспиранта к карьере чиновника зависит от согласия (путем голосования) членов чиновничьей корпорации (офицерства). Такие нормы, поощряющие сословное, цеховое отграничение чиновников, были характерны для патримониального, особенно пребендального, чиновничества прошлого. Попытки возродить их в преобразованном виде нередки при современном господстве чиновничества и сыграли определенную роль, например, в требованиях сильно пролетаризированных профессиональных чиновников («третий элемент»⁹) во время русской революции.

Социальная оценка чиновника как такового обычно особенно низка там, где, как это бывает в новых поселениях, по причине широких возможностей заработка и неустойчивого социального расслоения слабо выражены и потребность в профессиональном управлении, и господство сословных конвенций. Так обстоит дело в Соединенных Штатах.

2. Согласно чистому типу бюрократ *назначается* вышестоящей инстанцией. Чиновник, избранный подданными, перестает быть чисто бюрокра-

⁹ В оригинале — *tretij element*. См. глоссарий.

тической фигурой. Разумеется, формальное существование выборов не означает, что за ними не скрывается назначение (например, в государстве со стороны руководителей партий). Действительное положение зависит не от государственных правовых норм, а от типа функционирования партийных машин, которые при жесткой организации могут превратить формально свободные выборы в простое одобрение названного главой партии кандидата с последующей регулярно разыгрывающейся по определенным правилам борьбой за голоса в пользу одного из двух кандидатов. Однако при любых обстоятельствах избрание чиновника в результате голосования нарушает строгость иерархического порядка. Чиновник, избранный управляемыми, принципиально самостоятелен по отношению к вышестоящим инстанциям, поскольку получает свое место не «сверху», от инстанций, а «снизу», от масс, или же не от начальствующей в служебной иерархии инстанции как таковой, а от партийных владык (боссов), которые и определяют его дальнейшую карьеру. Такой чиновник в своей карьере либо вовсе не зависит, либо далеко не в первую очередь зависит от своего управленческого начальства. Не избранный, а назначенный господином чиновник с технической точки зрения функционирует точнее, поскольку, при прочих равных обстоятельствах, его отбор и карьеру с большей вероятностью определяют чисто профессиональные качества и оценки. Подданные как неспециалисты могут оценить степень профессиональной квалификации кандидата на должность только на основе собственного опыта, т.е. впоследствии. Партии при утверждении избираемого чиновника — будь это утверждение формально свободно избранного чиновника партийным вождем при составлении списка кандидатов или просто свободное назначение его избранным шефом — руководствуются обычно не профессиональными качествами, а политическими услугами и заслугами претендента в качестве члена свиты или команды партийного босса. Однако контрасты относительны. По сути, то же самое происходит при назначении чиновников легитимными монархами и их приближенными, разве что влияние свиты в этих случаях контролировать еще труднее. Там, где сильна или начинает чувствоваться потребность в профессиональном управлении, как, например, сейчас в Соединенных Штатах, и партийные верхи вынуждены считаться с интеллектуально зрелым и свободно действующим «общественным мнением» (таковое, правда, отсутствует в тех городах Соединенных Штатов, где большое количество иммигрантов образует «голосующее стадо»), назначение неквалифицированных чиновников, особенно если они назначались непосредственно главой партии, бумерангом ударяет по правящей партии на следующих выборах. Поэтому народные выборы не только административного руководителя, но и подчиненных ему чиновников, по крайней мере в больших и малопрозрачных управленческих структурах, не только ведут к ослаблению иерархической зависимости, но и угрожают профессиональной квалификации чиновников, а также точному

функционированию бюрократического аппарата. Известно, сколь высоки квалификация и моральные качества назначаемых президентом федеральных судей по сравнению с избираемыми судьями, хотя оба типа чиновников выбираются в Соединенных Штатах прежде всего по партийным критериям. Начатые реформистами крупные преобразования коммунального управления больших городов в Америке, напротив, ориентировались, по существу, на избираемых мэров, работавших с *назначаемым* ими аппаратом чиновников, т.е. на *цезаристские* методы. Вообще говоря, эффективность часто вырастающего из демократии цезаризма как организации господства с технической точки зрения базируется на позиции «цезаря» как свободного, не связанного традицией доверенного лица масс (армии или граждан) и вытекающей отсюда возможности неограниченного господства, без оглядки на традицию и прочие соображения, над группой лично им отобранных высококвалифицированных офицеров и чиновников. Это «господство личности гения» находится, однако, в противоречии с формально демократическим принципом сплошь выборного чиновничества.

3. Обычно в общественных и близких к ним бюрократических организациях, но все чаще и во всех остальных практикуется *пожизненность должностной позиции*. Та же пожизненность действует как фактическое правило даже там, где имеется практика прекращения либо периодического подтверждения должности. Даже на частном предприятии это отличается служащего от рабочего. Такая юридически или фактически принятая пожизненность не означает, однако, как во многих формах господства в прошлом, что чиновник является «владельцем» должности. Напротив, в случаях, когда существуют — как у нас для всех судебных и в значительной степени для управленческих позиций — правовые гарантии против произвольного увольнения или перевода, они имеют единственную цель — обеспечение строго делового, свободного от личных расчетов настроения на выполнение соответствующего специфического служебного долга. Внутри бюрократии поэтому степень гарантируемой в правовом отношении «независимости» ни в коей мере не является причиной повышения конвенциональной оценки чиновника, получающего такую защиту. Часто, особенно в обществах со старой культурной традицией и социальной дифференциацией, дело обстоит как раз наоборот: подчинение произволу господина — и чем оно полнее, тем в большей степени — способствует усвоению конвенционального господского образа жизни, поэтому конвенциональная оценка чиновника растет именно в силу отсутствия упомянутых правовых гарантий, точно так же как в Средневековье оценка министерялов растет за счет оценки свободных людей, а королевских судей — за счет оценки народных судей. Офицера или управленческого чиновника у нас в любое время и при любых обстоятельствах гораздо легче убрать со службы, чем независимого судью, которому даже грубейшее нарушение кодекса чести или общественных салонных конвенций никогда не стоит места. Однако

именно поэтому «рукопожатность» судьи в глазах господствующего слоя при прочих равных обстоятельствах ниже, чем чиновника, чья зависимость от господина гарантирует соответствие его образа жизни требованиямсловия. Обычно сами чиновники стремятся к правовому обеспечению, которое, наряду с гарантией материального обеспечения в преклонном возрасте, защищает от произвольного увольнения со службы. Но фактически это стремление имеет свои границы. Слишком сильно развитое право на службу, естественно, затрудняет заполнение служебных мест с учетом технической целесообразности, а также уменьшает карьерные шансы энергичных новичков. Это обстоятельство, а в еще большей степени стремление зависеть скорее от равных себе, чем от социально нижестоящих подданных, способствует тому, что зависимость от начальства чиновники в целом переносят легко. Нынешнее консервативное движение баденского духовенства, связанное со страхом перед грозящим якобы разделением государства и церкви, однозначно обусловлено нежеланием превращаться «из господина в слугу общины»¹⁰.

4. Чиновник регулярно получает *денежное* вознаграждение в форме стабильного *содержания* и гарантированную пенсию по старости. Содержание в принципе не имеет характера заработной платы, связанной с эффективностью деятельности, а соразмерно скорее сословному положению, т.е. типу выполняемых функций (рангу), и, кроме того, иногда служебному стажу. Относительно высокая стабильность обеспечения чиновников, а также дивиденды, получаемые в сфере социальной оценки, в странах, уже не обеспечивающих колониальные возможности заработка, делают службу желанной, даже несмотря на относительно низкий размер содержания.

5. Чиновник, в соответствии с иерархическим порядком учреждения, ориентирован на *карьерный рост* от низших, менее важных и низкооплачиваемых позиций — к высшим. Средний чиновник, естественно, заинтересован в возможности механической фиксации условий повышения если не в должности, то хотя бы в ступенях оплаты труда в соответствии с выслугой лет, а порой, при развитой службе аттестации, с учетом аттестационных оценок, которые иногда фактически формируют действующий пожизненно *character indelebilis* чиновника. Вместе с усилением роли права на должность и тенденцией к росту профессионально-сословного обособления и экономической защиты чиновничества такое развитие побуждает трактовать должности как *пребанды* для лиц, имеющих квалификацию,

---

¹⁰ Имеется в виду движение евангелических священников в Бадене (1908–1914 гг.) против политики тогдашнего правительства, направленной на отделение государства от церкви и сокращение государственного обеспечения священников. Сам афоризм — перефразированная цитата из парламентских дискуссий времен Французской революции о политическом смысле императивного и, соответственно, свободного депутатского мандата (MWG. 1/22-4. S. 168).

подтвержденную соответствующим образовательным сертификатом. Необходимость учитывать уровень общего личностного и интеллектуального развития вне зависимости от часто второстепенного признака обладания сертификатом, полученным при завершении профессионального образования, привела к тому, что при замещении высших политических должностей, особенно постов министров, наличие этих сертификатов в принципе не берется в расчет.

Далее речь пойдет о социальных и экономических предпосылках современной формы управления.

I. Прежде всего это развитие *денежной экономики*. Сегодня рассматривается исключительно денежная форма вознаграждения чиновников, что очень важно для всего облика бюрократии, хотя отнюдь не играет решающей роли в ее существовании. Величайшими с точки зрения масштабов историческими примерами достаточно развитого бюрократизма являются (а) Египет в эпоху Нового царства, хотя и с явным патримониальным уклоном, (b) поздний римский принципат, особенно монархия Диоклетиана и выросшая из нее византийская государственность, хотя и с ярко выраженными феодальными и патримониальными чертами, (c) Римско-католическая церковь, с нарастанием этой тенденции после XIII в., (d) Китай со времен Цинь Шихуанди и до настоящего времени, но с сильными патримониальными и пребендальными чертами, (e) современное европейское государство и — по возрастающей — все общественные корпорации во все более чистой форме со времен развития княжеского абсолютизма, (f) современное капиталистическое предприятие, и тем в большей мере, чем оно крупнее и сложнее. Случаи от (a) до (d) зиждились в очень значительной степени — а иногда преимущественно — на натуральном вознаграждении чиновничества. Однако в них много характерных черт и проявлений бюрократии. Исторический прообраз всех более поздних бюрократий — древнеегипетское Новое царство — представляет собой одновременно один из высочайших примеров натурально-хозяйственной организации. Это сочетание, однако, можно объяснить исключительным своеобразием обстоятельств. В принципе весьма важные ограничения, которые должны приниматься в расчет при отнесении какой-либо структуры к бюрократиям, обусловлены именно натуральным хозяйством. Определенная степень развития денежной экономики является нормальной предпосылкой если не создания, то устойчивого существования чисто бюрократического управления, поскольку, как показывает исторический опыт, без этого вряд ли удастся избежать перерождения внутренней сущности бюрократической структуры и ее превращения в нечто иное. Уже фиксированные натуральные выдачи со складов господина или из его текущих натуральных доходов, как это тысячелетиями практиковалось в Египте и Китае, а потом и в позднеримской монархии, повсюду играли важную роль и оказывались первым шагом к присвоению чиновником источников налогов и их использованию

как собственного частного имущества. Натуральный эквивалент защищает чиновника от зачастую резких колебаний покупательной способности денег. Если, однако, основанные на натуральных налогах отчисления поступают нерегулярно (а именно это, как правило, и происходит с натуральными взносами при любом послаблении со стороны господской власти), чиновник, даже не имея на то полномочий, начинает напрямую взыскивать недостающий налог с населения подведомственной ему области. Идея защитить чиновника от таких колебаний путем изменения или перевода на его имя отчислений и тем самым налоговой власти или путем передачи ему полезных угодий господина самоочевидна, и каждая недостаточно жестко организованная центральная власть подвергается искушению пойти этим путем по собственной инициативе или по принуждению чиновничества. Далее либо чиновник удовлетворяется из этих источников соответственно масштабу своих притязаний и поставляет «наверх» то, что осталось, либо, поскольку искушения велики и конечный результат, как правило, не устраивает господина, чиновника «сажают на твердый оклад», как это бывало на заре немецкого чиновничества и в более крупных масштабах в администрациях восточных сатрапий, т.е. он сдает строго определенное количество продукта, а себе оставляет то, что сверху.

Получается, что экономически чиновник начинает походить на предпринимателя-откупщика и налицо буквально прямая аренда должности, даже если она отдается за очень высокую плату. На почве частного хозяйства преобразование вилликации в арендное отношение является, как показывает множество примеров, одним из наиболее значимых. Важно, что таким образом господин может переложить труды по превращению натуральных доходов в деньги на откупщика или посаженного «на твердый оклад» чиновника. Очевидно, так обстояло дело со многими восточными наместниками древности. Данной цели служила сама передача в откуп общественного сбора налогов, прежде всего освобождавшая господина от необходимости собственной организации этого дела. Кроме того, впервые возникают условия для весьма существенного прогресса в финансовой сфере — перехода к системе бюджетирования, когда вместо типичной для ранних стадий всех общественных бюджетов жизни по принципу «что получили, то и тратим» и непрогнозируемых доходов может появиться четкий прогноз доходов и соответственно расходов. При этом, однако, происходит отказ от полноты налоговой власти и контроля со стороны господина, причем в зависимости от предоставленной чиновнику или арендатору должности и откупщику — свободы не исключается возможность исчерпания источника путем безоглядной эксплуатации, так как капиталист не имеет длительного интереса к его использованию в отличие от господина. Последний старается гарантировать свой интерес посредством регламента. Отношения аренды или передачи налоговых сборов могут быть оформлены по-разному в зависимости от соотношения сил господина и арен-

датора: возобладает либо интерес последнего к свободной эксплуатации налоговых обязательств подданных, либо интерес господина, состоящий в сохранении налоговой базы. В сущности, на борьбе и взаимодействии упомянутых мотивов: исключение неравномерности поступлений, возможность планирования доходов и расходов, сохранение платежеспособности подданных путем защиты их от неэкономической эксплуатации, контроль отчислений арендаторов с целью обеспечить максимум доходов государству, — и базируется, например, способ оформления системы откупов в царстве Птолемеев, где откупщик, хотя и является еще, как в Элладе и Риме, частным капиталистом, осуществляет сбор налогов как бюрократическую процедуру, контролируемую государством, а доход его составляют деньги, превышающие сумму, уплаченную за аренду, которая, по правде говоря, была гарантирована, тогда как риск состоит в недоборе суммы, равной арендной плате.

Чисто экономическое понимание должности как источника частного дохода чиновника в определенных обстоятельствах (если господин, например, оказывается в ситуации, когда нужны не столько текущие поступления, сколько денежный капитал, скажем, для ведения войны) может вести к прямой продаже должностей, что было регулярным институтом именно в государствах Нового времени — в Церковном государстве, а также в Англии и Франции, — и касалось не только синекур, но и очень серьезных должностей (например, офицерских патентов), просуществовав в пережитках до XIX столетия. В отдельных случаях экономический смысл этого явления изменялся и выплачиваемая сумма частично или полностью рассматривалась как залог, обеспечивающий верность служебному долгу. Но это не было правилом.

Вместе с тем всегда любая передача доходов, сборов и услуг, полагающихся господину как таковому, чиновнику для его собственного использования, означает отступление от чистого типа бюрократической организации. Чиновник в такой ситуации получает собственное право на владение должностью. Ситуация усугубляется, когда отношение служебного долга и вознаграждения организовано таким образом, что чиновник вообще не делает никаких взносов с доверенных ему объектов, использует их исключительно для своих личных целей, а взамен оказывает господину услуги личного, или военного, или же другого, политического либо церковного характера. В случаях пожизненной передачи каким-либо образом вещественно закрепленных рентных платежей или фактически *экономического* использования земель или других источников ренты как вознаграждения за исполнение реальных или фиктивных служебных обязанностей, для экономического обеспечения которых эти блага переданы господином в *долгосрочное* пользование, мы будем говорить о *пребенде* и о *пребендальной* организации службы. Переход от этих форм к чиновничеству, основанному на содержании, осуществляется постепенно. Пребендальный характер

очень часто имело в древности, Средневековье и вплоть до Нового времени экономическое состояние священничества, но эта же форма обнаруживается почти в любое время и в других областях. В китайском священном праве особенный «пребендальный» характер всех должностей приводит к тому, что предписываемое во время ритуального траура по отцу и другим домашним авторитетам воздержание от использования собственности (изначально из-за страха перед неудовольствием умершего главы дома, которому все принадлежало) распространяется и на исполнение должности, которая в чисто пребендальном духе считается источником ренты. Следующей ступенью удаления от чистой бюрократии, основанной на содержании, является ситуация, когда не только экономические права, но и сами права господства предоставляются господином чиновнику в пользование как вознаграждение за его *личные* услуги господину. Такие передаваемые права господства могут носить различный характер — например, для политических чиновников более землевладельческий или более должностной. В обоих случаях, но в последнем — обязательно, полностью разрушается специфика бюрократической организации, и мы вступаем в область *феодалной* организации господства.

Все формы такого предоставления натуральных услуг и прав пользования для обеспечения чиновников ведут к смягчению бюрократического механизма, особенно к ослаблению иерархического подчинения, которое строже всего реализуется в современной дисциплине чиновничества. Только там, где подчинение чиновника господину было личным и абсолютным, т.е. при управлении через рабов или фактически уравниваемых с рабами служащих, могла быть достигнута, по крайней мере при энергичных усилиях, такая же точность управления, какую обеспечивает нанятый по контракту чиновник современного Запада.

В древности, в странах с натуральным хозяйством, египетские чиновники являлись хотя и не в юридическом, но в фактическом смысле рабами фараона. Римские землевладельцы легко доверяли рабам вести кассу (из-за возможности применения к ним пыток). В Китае пытались достичь того же путем использования бамбука как средства обеспечения дисциплины. Однако возможности *постоянного* использования прямых средств принуждения крайне невелики; поэтому, как показывает опыт, гарантированное денежное содержание вкупе с перспективой независимой от случая и произвола карьеры, строгие, но щадящие самолюбие дисциплина и контроль, сословное достоинство и условия для публичной критики создают относительно оптимальную среду для достижения и поддержания строгой механизации бюрократического аппарата, который функционирует в этом отношении надежнее, чем всякое правовое порабощение. При этом сильное сословное сознание чиновников не только совмещается с готовностью к безоглядному подчинению начальнику, но и внутренне искупает (как у офицера) тяжелые для самолюбия последствия. Чисто безличный, про-

фессиональный характер служебной деятельности, принципиально отделенной от частной сферы чиновника, облегчает его включение в раз и навсегда заданные функциональные отношения основанного на дисциплине механизма.

Если, следовательно, даже полное развитие денежной экономики не является обязательным предварительным условием бюрократизации, последняя все же, как специфическая стабильная структура, связана с предпосылкой, требующей наличия *постоянных* доходов в целях собственно сохранения. Там, где она не может питаться из частных доходов (как в бюрократической организации современных крупных предприятий) или из фиксированных поступлений с земли (как в землевладении), предпосылкой длительного существования бюрократического управления становится прочная *налоговая* система. Для последней же единственно надежной основой в силу известных причин является развитая денежная экономика. Поэтому степень бюрократизации управления в городских коммунах с развитым денежным хозяйством нередко была относительно выше, чем в современных им гораздо более крупных равнинных империях. Однако как только эти империи формировали упорядоченную систему сборов, бюрократия развертывалась в них значительно полнее, чем в городах-государствах, которым — при сохранении их размера в разумных границах — повсюду более соответствовала тенденция плутократического коллегиального правления знати, поскольку подлинным основанием бюрократизации управления издавна был специфический тип развития управленческих задач, а именно и главным образом их количественный рост.

II. *Количественный рост* управленческих задач — это еще одна предпосылка существования современной администрации. В политической сфере, например, классической почвой бюрократизации становятся большое государство и массовая партия.

Это, однако, не надо понимать в том смысле, что каждое исторически известное крупное государственное образование несло с собой бюрократическое управление. В первую очередь потому, что чисто временная протяженность когда-либо существовавшего крупного государственного образования или же единство порождаемой им культуры не всегда были привязаны к бюрократической структуре государства. Обе эти привязки в значительной мере присутствовали, например, в Китайской империи. Многочисленные большие негрские империи и подобные образования оказались эфемерными прежде всего в силу отсутствия чиновнического аппарата. С упадком чиновнической организации, имевшей преимущественно патримониальный, а не бюрократический характер, рухнула также государственная целостность империи Каролингов. И наоборот, в чисто временном отношении империя халифов и ее предшественники на азиатской почве, имевшие, в сущности, патримониальную и пребендальную организации чиновничества, и Священная Римская империя, несмотря

на почти полное отсутствие бюрократии, просуществовали значительное время и представляли собой при этом, по крайней мере приблизительно, столь же сильное *культурное* единство, какое обычно создает бюрократическая государственность. И античная Римская империя, несмотря на все возраставшую бюрократизацию и как раз в процессе ее, распалась изнутри в силу особенностей связанного с ней государственного распределения повинностей, поощрявшего натуральное хозяйство. При этом временное существование этих названных выше образований представляло собой, если взглянуть на интенсивность их чисто *политического* единства, существенно более подвижное и номинальное, напоминающее конгломерат целое с постоянно снижавшимся потенциалом политического действия. Их относительно высокое *культурное* единство было продуктом отчасти строго единообразного, усилившегося на средневековом Западе и все более бюрократизирующегося церковного единства, отчасти далеко идущей общности социальной структуры, которая, в свою очередь, представляла собой следствие и продукт трансформации существовавшего когда-то политического целого. И то и другое было проявлением культурной стереотипизации, способствовавшей состоянию подвижного равновесия и связанной с традицией, и имело столь сильную инерцию, что даже такие крупномасштабные попытки экспансии, как крестовые походы, несмотря на отсутствие политического единства, смогли состояться в виде, так сказать, частных предприятий, хотя их неудача и политически иррациональное течение было обусловлено отсутствием стоявшей за ними единой и интенсивной государственной власти. Неоспоримым остается не только то, что ростки интенсивного современного государствообразования в Средневековье возникали везде в связи с развитием бюрократических форм, но и то, что основанные, в сущности, на подвижном равновесии конгломераты в конечном счете были взорваны именно бюрократически наиболее развитыми политическими образованиями.

Распад античной Римской империи был частично *сообусловлен* как раз бюрократизацией ее армейского и чиновничьего аппарата, но оказался возможным только при одновременном введении метода государственного распределения повинностей, который должен был привести к росту относительной значимости натурального хозяйства. Следовательно, свою роль всегда играют и индивидуальные компоненты. Нельзя также считать обязательной прямую равную интенсивность бюрократизации государственного действия, направленного вовне и вовнутрь: вовне — сила экспансии, вовнутрь — государственное воздействие на культуру. Первое (внешняя экспансия) может быть понято как *нормальное*, а не безусловно обязательное состояние, потому что два экспансивных политических образования, а именно Римская империя и Британская мировая империя, как раз в их экспансионистский период в весьма малой степени базировались на бюрократическом основании. Норманнское государство в Англии

имело строгую организацию, основанную на ленной иерархии, но свое единство и ударную мощь оно получило в значительной степени благодаря крайне высокой и жесткой по сравнению с другими политическими образованиями феодального времени бюрократизации королевской бухгалтерии (*Exchequer*). То, что английское государство и далее не участвовало в континентальном развитии в сторону бюрократизма, а осталось в управлении знати, объясняется, как и республиканское управление Рима, помимо (относительно) неконтинентального характера, еще и другими совершенно индивидуальными предпосылками, теперь в Англии постепенно исчезающими. К этим особым предпосылкам относится возможность обойтись без огромной *постоянной* армии, которая при равных экспансионистских притязаниях была необходима континентальным государствам для охраны границ. В Риме поэтому бюрократизация шагнула вперед при переходе от прибрежной империи к континентальной. Вообще же в римской структуре господства техническое совершенство бюрократического аппарата (т.е. точность и закрытость его функционирования) заменялось (сначала в управлении, осуществлявшемся ввне государственных границ) строго милитаристским характером деятельности магистратов, чего в такой степени не знал ни один народ, а преемственность гарантировалась столь же уникальным положением сената. Еще одна возможность (о которой не следует забывать), позволяющая избежать бюрократии, в Риме, как и в Англии, состояла в том, что государственная власть постоянно минимизировала свои функции *внутри* страны, сводя их к тому, чего прямо требовали интересы государства. В континентальных государствах начинающегося Нового времени власть полностью сосредоточилась в руках тех князей, что без оглядки ступили на путь бюрократизации управления. Чем далее, тем более очевидно, что современное крупное государство в техническом смысле просто обречено иметь бюрократический базис, и чем оно крупнее или, прежде всего, чем в большей степени оно имеет или обретает характер великой державы, тем более очевидна эта неизбежность. Черты небюрократического — по крайней мере в техническом смысле не полностью бюрократического — государства, до сих пор имеющиеся в Соединенных Штатах, неизбежно, хотя в формальном смысле и постепенно, уступают место бюрократическим структурам, по мере того как усиливаются трения ввне и насущнее становится потребность в единстве управления внутри. Кроме того, в материальном смысле небюрократическая структура государства там компенсируется тем более жесткой бюрократической структурой на самом деле политически господствующих образований — партий, руководимых специалистами (*professionals*) в области тактики и организации выборной борьбы. Значение чисто количественного аспекта как рычага бюрократизации социальных образований ярче всего иллюстрируется как раз нарастающей бюрократизацией всех собственно массовых партий, к которым

у нас принадлежит прежде всего социал-демократия, а за границей — обе американские «исторические» партии.

III. Еще более, чем экстенсивным и количественным, бюрократизация стимулируется интенсивным и *качественным* расширением и внутренним развитием круга управленческих задач. Направление этого развития и его побудительные мотивы могут быть совершенно разными. В самой старой стране бюрократического государственного управления — Египте технико-экономическая общественно-хозяйственного регулирования «сверху» распределения воды в масштабах всей страны породила аппарат писцов и чиновников, который, как уже говорилось, довольно скоро нашел себе второе великое дело в гигантской, организованной на военный лад строительной деятельности. Чаще всего, как уже отмечалось [с. 42–43], бюрократизация порождается потребностями, вытекающими из необходимости создания постоянных армий, что вызвано соображениями безопасности, и связанного с этим развития финансовой системы. В современном государстве в том же направлении действует еще и обусловленный постоянно увеличивающейся сложностью культуры рост требований к управлению вообще. Однако, при том что государства с господством знати (Рим, Англия, Венеция) осуществляли масштабную экспансию вовне, в частности, заморскую экспансию, интенсивность управления, т.е. принятие на себя *собственно государством* по возможности большего количества функций, требующих постоянной обработки и исполнения, в крупных государствах знати, а именно в Риме и в Англии, была, как мы вскоре увидим, относительно слабой по сравнению с бюрократическими государствами. Правильным будет сказать, что *структура* государственной власти в обоих случаях оказала сильное влияние на культуру, однако относительно малое — через государственную машину и государственный контроль, и это относится ко всему, начиная от юстиции и кончая образованием. Со своей стороны, растущие культурные притязания были обусловлены, хотя и в разной степени, ростом богатств самых влиятельных в государстве слоев. По мере этого усиливающаяся бюрократизация становится функцией увеличивающегося *потребительски* доступного и потребительно используемого имущества и вытекающей отсюда возможности создания все более рафинированной техники внешнего оформления жизни. Все это оказывает обратное влияние на общее состояние потребностей, заключающееся в росте субъективной неизбежности общественно-хозяйственной и интерлокальной, т.е. бюрократической, системы обеспечения разнообразнейших, ранее либо неизвестных, либо покрываемых в частнохозяйственном или локальном порядке, потребностей. Из чисто политических моментов тенденцию к бюрократизации особенно усиливает растущая потребность общества, привычного к постоянному абсолютному *спокойствию*, в порядке и защите («полиция») во всех областях. Прямая дорога ведет от чисто сакрального или чисто посреднического (через мирового судью) способа

разрешения междоусобиц, когда права и безопасность индивида обеспечиваются только свидетельством под присягой и угрозой кровной мести соплеменников, к нынешнему положению полицейского как «представителя Бога на Земле». Среди других моментов важны в первую очередь разнообразнейшие так называемые социально-политические задачи, которые частью навязываются современному государству заинтересованными лицами, частью узурпируются им самим по идеологическим или политическим мотивам. Эти задачи, естественно, в значительной мере обусловлены экономически. Наконец, из факторов, имеющих, в сущности, технический характер, проводниками бюрократизации являются специфически современные средства коммуникации, иногда по необходимости, иногда по причине технической целесообразности подлежащие общественному управлению (общественные дороги и водные пути, железные дороги, телеграф и т.д.). Они играют роль во многом аналогичную той, что выполняли на Древнем Востоке каналы Месопотамии и регулирование Нила. Степень развития путей сообщения является если не единственно важным, то одним из важнейших условий бюрократического управления. В Египте, например, без Нила как естественного пути сообщения бюрократическая централизация на почти чистой натурально-хозяйственной основе наверняка никогда не достигла бы того уровня, который фактически имел место. В современной Персии служащим телеграфа было официально поручено давать отчет обо всех событиях в провинции непосредственно шаху, в обход локальных учреждений, наряду с этим каждый наделялся правом прямой телеграфной жалобы, что должно было содействовать бюрократической централизации¹¹. Современное западное государство может управляться так, как фактически управляется, только в силу того, что владеет телеграфом и распоряжается почтой и железными дорогами.

Кроме того, пути сообщения теснейшим образом связаны с развитием межрегионального обмена товарами массового потребления, который тем самым попадает в категорию важнейших базовых факторов, сопровождающих формирование современного государства. Это не всегда справедливо, как мы видели ранее [т. II, с. 283–286], по отношению к прошлому.

IV. Решающей причиной сравнительного успеха бюрократической организации издавна служит ее чисто *техническое* превосходство над всеми другими организационными формами. Полностью развитой бюрократический механизм выглядит рядом с ними так же, как машина рядом с немеханическими формами производства. Точность, скорость, однозначность, документированность, преемственность, конфиденциальность, единообразие, жесткость подчинения, экономия на трениях,

---

¹¹ Такой порядок был установлен при введении в строй в 1862 г. построенной англичанами первой в Персии телеграфной линии и преследовал цель ограничения произвола местных чиновников (MWG. 1/22-4. S. 184).

материальных и персональных расходах — все это при чисто бюрократическом, особенно монархическом управлении при посредстве профессионально обученных чиновников достигает оптимума по сравнению с формами коллегиального управления, управления на общественных началах или по совместительству. Когда речь идет о решении сложных задач, оплачиваемая бюрократическая работа не только точнее, но в результате и дешевле, чем формально неоплачиваемая работа на общественных началах. Деятельность на общественных началах — это деятельность по совместительству, и уже поэтому она протекает обычно медленнее, менее схематизирована, более бесформенна, а следовательно, лишена точности, менее единообразна, поскольку не так зависима от вышестоящей инстанции, в меньшей степени преемственна и уже по причине почти всегда неэкономного использования подчиненных и канцелярского аппарата часто также на поверку очень дорога. Это справедливо, если учитывать не только чистые расходы общественной кассы, которые, кстати, при бюрократическом управлении, особенно по сравнению с добровольным управлением знати на общественных началах, обычно серьезно возрастают, но и большие экономические потери подданных из-за потерь времени и отсутствия необходимой точности. Управление знати на общественных началах, как правило, удается долгосрочно осуществлять там, где дела можно успешно улаживать в порядке побочной деятельности. Сегодня управление, по мере качественного роста стоящих перед ним задач, даже в Англии упирается в пределы собственных возможностей. В то же время коллегиально организованная работа порождает трения и задержки, компромиссы между сталкивающимися взглядами и интересами и поэтому более независима от верхов, менее точна, менее единообразна, более медлительна. Все достижения прусской организации управления состояли и впредь будут состоять в развитии бюрократического, особенно монархического, принципа.

Требования по возможности ускоренного исполнения служебных задач, при этом точного, однозначного и с соблюдением преемственности, сегодня ставит перед управлением в первую очередь капиталистический хозяйственный оборот. Крупнейшие современные капиталистические предприятия обычно сами являются непревзойденными образцами строгой бюрократической организации. Делопроизводство в них требует все возрастающей точности, постоянства и, самое главное, ускорения операций, что опять-таки обусловлено своеобразием современных средств коммуникации, к которым, помимо прочего, относятся также новостные службы в прессе. Исключительная скорость в передаче сообщений об общественных, экономических, а также политических фактах уже сама по себе невозможна без ускорения реакции управленческих инстанций на вновь возникающие ситуации, и оптимум скорости здесь обеспечивает обычно только строгий бюрократический порядок. (На том, что бюрократический аппа-

рат сам порождает определенные трудности в части работы с индивидуальными ситуациями, мы здесь останавливаться не будем.)

Однако в первую очередь бюрократизация дает оптимальную возможность реализовать требование разделения труда в управлении по чисто объективным критериям путем распределения и поручения конкретных работ специально ориентированным и постоянно совершенствующимся в выполнении своих задач функционерам. «Объективные критерии» в данном случае означает прежде всего исполнение обязанностей согласно *просчитываемым правилам* и «невзирая на лица». «Невзирая на лица» — это также пароль рынка и всякого чисто экономического интереса вообще. Последовательная реализация бюрократического господства означает нивелирование сословной чести, и, соответственно, если принцип свободы рынка при этом не ограничивается, — универсальное господство классового положения¹². Если это не везде происходило с развитием бюрократизации, причина тому — в различии возможных принципов удовлетворения потребностей политических общностей. Также для бюрократии, в том числе современной, первостепенное значение имеет другой элемент — просчитываемые правила. Своеобразие современной культуры и особенно ее технико-экономического базиса как раз требует этой просчитываемости успеха. Бюрократия в своем полном развитии подчинена в некотором специфическом смысле принципу *sine ira et studio*, что роднит ее с капитализмом и выражается в ней тем полнее, чем более она «обесчеловечивается», т.е. чем успешнее ей удастся реализовать этот принцип путем изгнания любви, ненависти и всего чисто личного, вообще всех иррациональных, не поддающихся исчислению элементов восприятия из ведения служебных дел. Такой подход приписывается к достоинствам бюрократии. Вместо личного участия, сочувствия, благорасположения, благодарности, которыми были движимы господа в старых порядках, современная культура требует от внешнего аппарата, который ее поддерживает, — и чем более она сложна и специализирована, тем в большей степени — отказа от человеческого участия, т.е. строго делового, *профессионального* отношения. А все это предлагает бюрократическая структура, причем в очень благоприятном сочетании. Лишь она дала *правосудию* почву для введения понятийно систематизированного и рационального *права* на основе законов, впервые созданного на высоком техническом уровне в поздней Римской империи. В Средневековье рецепция римского права шла рука об руку с бюрократизацией правоприменения, состоявшей в проникновении рационально обученных специалистов-профессионалов на место старых правоприменителей, связанных с традицией или иррациональными верованиями.

Рациональному правоприменению на основе строго формальных правовых понятий противостоит тип правоприменения, ориентирующийся в

¹² См. словарь понятий Макса Вебера.

первую очередь на традиции, ставшие священными, а случай, не поддающийся однозначной интерпретации на основе традиции, решается либо (в харизматической юстиции) через конкретное откровение (оракул, изречение пророка или Божий приговор), либо — и единственно эти случаи нас теперь интересуют — (1) неформально в соответствии с конкретными этическими или другими практическими ценностными суждениями («юстиция кади», как метко определил Р. Шмидт) или (2) хотя и формально, но не посредством подведения под рациональные понятия, а путем *аналогий* и привязывания к конкретным толкуемым *преюдициям* (эмпирическая юстиция). Суд кади не знает никаких вообще (а эмпирическая юстиция в чистом ее виде — никаких в нашем смысле) рациональных оснований суждения. Конкретный, опирающийся на ценностные суждения характер юстиции кади может возвыситься до пророческого разрыва с традицией; эмпирическая юстиция, со своей стороны, может сублимироваться и рационализироваться до уровня тончайшего искусства. Как будет разъяснено в другом месте, поскольку небюрократические формы господства демонстрируют своеобразное сочетание сферы строгой традиционности, с одной стороны, и свободной воли и милости господина — с другой, часто встречаются разные формы комбинаций и взаимных переходов этих двух принципов. В Англии, например, как наглядно показал А. Мендельсон, обширный низший слой правосудия до сих пор представляет собой, по существу, юстицию кади в столь высокой степени, что это трудно вообразить на континенте. Наш суд присяжных, от которого не требуется указывать основания вердикта, на практике, как известно, нередко функционирует точно таким же образом. И как в этом случае заставить себя верить, что демократические принципы правосудия тождественны рациональному (в смысле формальному) правоприменению? Совсем наоборот, что и показано в другом месте [с. 50–52]. В то же время английская (и американская) юстиция больших центральных судов все еще является в значительной степени эмпирической, а именно прецедентной юстицией. Причина крушения всех попыток рациональной кодификации, так же как рецепции римского права в Англии, состояла в успешном противодействии этому со стороны больших организованных адвокатских цехов — слоя монополистической знати, из которого выходили судьи крупных судов. Они держали в своих руках воспитание юристов — в духе технически высокоразвитого эмпирического ремесла — и успешно боролись против угрожавших их социальному и материальному благополучию попыток создания рационального права, исходивших чаще всего от духовных судов, а также иногда от университетов. Борьба адвокатов *common law* против римского и церковного права и против властного положения церкви вообще была при этом в значительной мере обусловлена экономически (гонорарными интересами), о чем явно свидетельствует форма вмешательств короля в эту борьбу. Властная позиция, которую адвокаты успешно отстаивали в своей борьбе,

была обусловлена политической централизацией. В Германии отсутствовало, причем преимущественно именно по политическим причинам, социально влиятельное сословие знати, которое, наподобие английских адвокатов, стало бы выразителем духа национального правосудия, возвело бы национальное право в ранг искусства, имеющего разработанную доктрину, и могло бы оказать сопротивление технически превосходящей школе образованных юристов римского права. Победу *материального* римского права предопределила отнюдь не его лучшая приспособленность к потребностям возникавшего капитализма: как раз все специфические правовые институты современного капитализма чужды римскому праву и вышли из средневекового источника, — а его рациональная *форма* и прежде всего техническая необходимость ввиду все большей сложности разбираемых дел и все более рационализирующегося хозяйства заменить изначальное обнаружение истины путем откровения или сакральной клятвы рациональным поиском истины и соответственно передать сам процесс в руки рационально обученных (т.е. изучавших в университете римское право) профессионалов. Данная ситуация была, естественно, в значительной мере обусловлена изменявшейся структурой хозяйства. Но этот момент действовал везде, в том числе в Англии, где королевская власть ввела рациональный процесс доказывания в интересах прежде всего купечества. Главная причина различий, существовавших в развитии материального права Англии и Германии, коренилась, как следует из вышесказанного, не в хозяйстве, а в особенностях структур господства: в Англии — централизованная юстиция и одновременно господство знати; в Германии — отсутствие политической централизации и одновременно бюрократизация. Став в Новое время первой высокоразвитой капиталистической страной, Англия соответственно сохранила менее рациональное и менее бюрократическое правосудие. При этом капитализм в Англии мог чувствовать себя прекрасно именно потому, что форма судебной организации и механизм процесса вплоть до Нового времени предполагали практически полный отказ в правосудии экономически слабым. Этот факт, а одновременно длительный и дорогой способ передачи прав на землю, обусловленный экономическими интересами адвокатов, склоняли также аграрную организацию в сторону аккумуляции и закрепления земель.

В свою очередь, *римское* правоприменение во времена Республики представляло собой своеобразную смесь элементов рациональной, эмпирической юстиции и даже юстиции кади. Назначение присяжных как таковое и поначалу несомненно имевшие место от случая к случаю преторские *actiones in factum* содержали элемент юстиции кади. Каутелярная юриспруденция и все, что из нее выросло, включая частично и практику респондирования классических юристов, носило эмпирический характер. Решительный поворот юридического мышления в сторону рациональности был подготовлен прежде всего техническим характером процессуаль-

ных инструкций, основанных на воспроизведенных в правовых понятиях формулах преторского эдикта¹³. (Ныне, при господстве принципа субстанции, когда единственно изложение фактов решает, с какой правовой позиции будет проводиться обоснование иска, отсутствует необходимость в однозначном формальном определении объема понятий, порожденная высокой технической культурой римского права.) До этой поры были задействованы, в сущности, лишь процессуально-технические факторы развития права, не связанные прямо с государственной организацией. Завершена же была рационализация римского права, превратившая его в закрытую, пригодную для научного анализа систему понятий, — что резко отличало его от всего созданного Востоком и даже эллинизмом, — лишь в эпоху бюрократизации государства.

Типичным примером не рационального и все же «рационалистического», крепко *связанного* с традицией эмпирического права являются ответы раввинов в Талмуде. Чистым, *не связанным* с традицией примером правосудия кади может служить в конечном счете каждое пророческое изречение истины по схеме «Так написано — а я говорю вам...»¹⁴. При этом чем сильнее подчеркивается религиозный характер позиции кади или другого подобного судьи, тем свободнее выстраивается в не связанной священной традицией сфере абсолютно произвольное суждение по частному случаю. В Тунисе, например, способ принятия духовным судом (*Chara*) решений о земельной собственности «по свободному разумению», как это описывали европейцы, стал весьма чувствительным фактором, надолго задержавшим развитие капитализма при французской оккупации. С социологическими основаниями этого старого типа юстиции в структуре господства мы познакомимся в другой связи [с. 78–79, 140–143, 183–184, 255].

Совершенно ясно, что «деловитость» и «профессионализм» необязательно предполагают господство общих абстрактных норм. Во всяком случае на почве современного правоприменения. Идея беспробельного права, как известно, резко и принципиально отброшена, и представление о современном судье как об автомате, в который сверху закладываются документы и гонорар, после чего снизу выскакивает вердикт вместе с механически распечатанными из параграфов основаниями, с негодованием отвергнуто, может быть, потому, что определенное сближение с этим типом как раз и могло быть следствием бюрократизации права. В сфере правоприменения также есть области, где бюрократический судья прямо принуждается законодателем к *индивидуальному* решению. И наконец, как раз в сфере собственно управленческой деятельности, т.е. всей государственной деятельности, не попадающей в область выработки и применения права, обычно

¹³ См. *Формулярный процесс* в глоссарии.

¹⁴ Вариант передачи евангельского текста: «Вы слышали, что сказано древним <...>. А Я говорю вам...» (Мф. 5: 21–22).

полностью задействуются свобода и господство индивидуального, по отношению к которым общие нормы играют негативную роль, выступая преимущественно как границы позитивной, не поддающейся регламентации «творческой» деятельности чиновника. Вопрос о важности данного тезиса пока оставляем открытым. Главное состоит в том, что это *свободно* осуществляемое управление (а иногда и правоприменение) не является, как можно обнаружить в добюрократических формах, царством *свободного* суда и милости, мотивированных *личными* склонностями и оценками. Напротив, как норма поведения здесь всегда налицо господство и рациональное взвешивание целей дела и преданности ему. В области государственного управления основным ориентиром, путеводной звездой, которая направляет творческие предпочтения чиновников, служит характерное именно для современности строго объективное представление о государственном интересе. При канонизации этой абстрактной и объективной идеи бюрократия, естественно, руководствовалась и безошибочным инстинктом, ведущим ее к сохранению *собственной* власти в своем государстве (а посредством этого и в отношении других государств). В конечном счете только собственные властные интересы придают сколько-нибудь конкретное содержание данной весьма неоднозначной самой по себе идее, позволяя руководствоваться ею в спорных случаях. Мы не будем далее в это углубляться. Принципиально важно для нас то, что за каждым действием настоящего бюрократического управления стоит система оснований, доступных рациональному обсуждению (т.е. либо подведению под норму, либо взвешиванию целей и средств).

Неизбежно двойственно и занятие любой «демократической» позиции, в нашем случае направленной на минимизацию господства. «Равенство перед законом» и обеспечение правовых гарантий от произвола требуют *формально* рациональной объективности управления в противоположность свободному личному произволу и милости патримониального господства. Однако «этос», с его обязательно ориентированными на конкретный случай и конкретную личность постулатами *материальной* справедливости, овладевая в какой-то конкретной ситуации массами (мы не принимаем здесь в расчет других инстинктов), неизбежно сталкивается с формализмом и холодной деловитостью бюрократического управления, диктуемой правилами, а потому обязан эмоционально отвергнуть то, чего требует рациональность. Формальное правовое равенство и «просчитываемое» правоприменение и управление, направленные на обеспечение буржуазных интересов, более всего неприемлемы для неимущих масс. С точки зрения последних, право и управление, естественно, должны служить выравниванию их экономических и социальных жизненных шансов по отношению к имущим и могут пренебречь этой задачей только в том случае, если имеют глубоко неформальный, содержательно этический характер (юстиции кади). Не только любой «народный суд», который обычно не интересуют

рациональные основания и нормы, но и каждый случай интенсивного воздействия на управление со стороны так называемого общественного мнения, представляющего собой в условиях массовой демократии социальное действие, которое рождается из иррациональных чувств и обычно инсценируется и направляется партийными вождями и прессой, препятствуют рациональному осуществлению правосудия и управления столь же сильно, сколь это могла делать «кабинетная юстиция» абсолютного владыки, а при некоторых обстоятельствах еще сильнее.

V. Бюрократическая структура развивается параллельно *концентрации материальных средств производства* в руках господина. Типичный пример — формирование крупных частнокапиталистических предприятий, важным признаком которых является развитая бюрократия. То же и в публичных образованиях. Бюрократически управляемое войско фараонов, поздней Римской республики и принципата, а равно и — даже прежде всего — современного милитаризированного государства, в противоположность народным ополчениям аграрных племен, вооруженным гражданам античных и милициям средневековых городов, в противоположность также вассальным армиям, характеризуется тем, что для всех последних нормой является самоэкипировка и самоснабжение обязанных нести службу, тогда как в бюрократической армии вооружение и снабжение осуществляется со складов господина. Современная война как война машин делает централизованное снабжение *технически* столь же неизбежным, сколь господство машин в производстве требует концентрации орудий производства. Бюрократические экипированные и снабжаемые господином армии прошлого возникали в основном тогда, когда вследствие социального и экономического развития абсолютно или относительно сокращался слой *экономически* способных к самоэкипировке граждан, так что их уже не хватало для создания армии. Сокращался по крайней мере относительно, т.е. в соотношении с объемом власти, на который претендовало государство. Только бюрократическая форма дает возможность создания постоянной профессиональной армии, необходимой как для длительного умиротворения крупных равнинных государств, так и для войны с далекими врагами, т.е. за морем. Кроме того, специфическая военная дисциплина и техническое оснащение возможны, по крайней мере в современных масштабах, только в бюрократической армии.

Бюрократизация армии исторически везде шла рука об руку с расширением воинской службы, считавшейся до того почетным правом имущих, еще и на неимущих (местных уроженцев, как в армиях римских полководцев времен поздней республики, армиях кайзеровского рейха и современных армиях до XIX столетия, или иностранцев, как в наемных армиях всех времен). Наряду с общей причиной, состоящей в том, что возрастающая плотность населения и вместе с тем интенсивность и напряженность экономической деятельности обуславливали все большую недо-

ступность зарабатывающих слоев для целей войны, это происходило, как правило, в связи с ростом материальной и духовной культуры вообще. Если отвлечься от периодов сильных идеологических потрясений, имущие слои с их рафинированной, часто городской культурой были мало склонны, как и пригодны, к грубой солдатской работе; при прочих равных условиях склонности и квалификация имущих слоев равнинных государств обычно по крайней мере более соответствовали офицерской профессии. Эти различия сглаживались лишь там, где возрастающие возможности машин в военном предприятии требовали от вождей качеств технических специалистов. Бюрократизация военного дела, как и любого другого ремесла, может идти по частнокапиталистическому пути. Частнокапиталистические организации и управление в очень разнообразных формах сплошь и рядом были правилом именно в наемных армиях Запада вплоть до кануна XIX столетия. В период Тридцатилетней войны¹⁵ в Бранденбурге солдат обычно был еще собственником вещных орудий своего ремесла — оружия, лошади, одежды, хотя государство уже выступало в качестве поставщика, наподобие, так сказать, купца по отношению к ремесленнику-надомнику. Позднее, в постоянной прусской армии, все материальные средства войны являлись собственностью ротного командира, а начиная с Тильзитского мира¹⁶ произошла окончательная концентрация средств производства в руках государства и лишь одновременно с этим — всеобщее введение военной формы, что ранее целиком отдавалось на усмотрение шефа полка, если исключить те случаи, когда король награждал какие-то части особой формой (первой ее удостоилась лейб-гвардия в 1620 г., впоследствии это чаще происходило при Фридрихе II). Поэтому такие понятия, как, например, «полк» или «батальон», еще в XVIII в. имели, как правило, совсем не тот смысл, что сегодня: батальон считался тактической единицей (как сегодня оба этих подразделения), тогда как полк, напротив, являлся в силу предпринимательской позиции полковника производственно-хозяйственной единицей. Полуофициальные морские военные предприятия (например, генуэзские маоны) и воинские формирования относятся к первым «гигантским» частнокапиталистическим предприятиям с глубоко бюрократической структурой. Их огосударствление находит современную параллель в огосударствлении (с самого начала контролировавшихся государством) железных дорог.

И в других сферах бюрократизация управления точно так же идет рука об руку с концентрацией средств деятельности. Древнее сатрапское и наместническое управление, подобно управлению путем аренды или покупки должностей и, как правило, управлению через лен, ведут к децентрали-

---

¹⁵ 1618—1648 гг.

¹⁶ 1807 г.

зации управленческих ресурсов: из местных поступлений оплачиваются в первую очередь собственные потребности провинции, включая издержки на армию и местное чиновничество, и только излишки идут в центральную кассу. Ленный чиновник управляет полностью за счет собственного кармана. Бюрократическое государство, напротив, заносит все государственные управленческие расходы в свой бюджет, предоставляя нижестоящим инстанциям средства на текущее управление, использование которых регламентируется и контролируется. С точки зрения экономичности управления это то же самое, что и централизованное крупное капиталистическое предприятие.

В области научного исследования и образования бюрократизация пространенных сегодня повсюду университетских институтов (их первым крупномасштабным прообразом была лаборатория Либиха в Гиссене) есть функция растущей потребности в материальных средствах производства. Благодаря их концентрации в руках привилегированных государством руководителей исследователи и доценты оказываются отделенными от своих «средств производства», как рабочие отделены от средств производства на капиталистическом предприятии.

Несмотря на несомненное техническое превосходство бюрократии, ее развитие везде было относительно поздним, и причиной тому стал прежде всего ряд *сдерживающих факторов*, которые окончательно отступили лишь при создании определенных социальных и политических условий.

VI. Бюрократическая организация, как правило, достигает господства на основе хотя бы относительного *сглаживания экономических и социальных различий* в плане их значимости для исполнения управленческих функций. Такое сглаживание является неизбежным побочным следствием современной *массовой* демократии (в противоположность демократическому самоуправлению малых гомогенных единиц), вытекающим из характерного для нее принципа — абстрактной регулярности осуществления господства, что, в свою очередь, есть следствие правового равенства в личностном и административном смысле, т.е. устранения привилегий и принципиального отказа от решения дел не по общему правилу, а «от случая к случаю» (точнее, от одного конкретного случая к другому). Эта регулярность следует из самих социальных предпосылок возникновения бюрократии. Любое небюрократическое управление крупным социальным образованием предполагает, что всякое социальное, материальное или обусловленное престижем преимущество оказывается каким-либо образом связано с управленческими функциями и обязанностями, с тем обязательным последствием, что прямая или косвенная экономическая или даже социальная эксплуатация должности (возможность которой дает любая управленческая деятельность) становится вознаграждением за ее исполнение. Бюрократизация и демократизация означают поэтому для государственного управления — вопреки их «хозяйственной» природе и в отличие от пред-

шествующих форм — повышение *наличных* выдач из общественной кассы. Передача в Восточной Пруссии почти всего местного управления и судов нижнего уровня землевладельцам была вплоть до Нового времени¹⁷ самым дешевым — по крайней мере с точки зрения казны — способом удовлетворения потребности в управлении. Так же обстоит дело с управлением мировыми судьями в Англии. Массовая демократия, которая изгоняет из управления феодальные, патримониальные и — во всяком случае, по идее — плутократические привилегии, должна неуклонно заменять устаревшее «совместительское» управление знати оплачиваемой работой профессионалов. Это относится не только к государственным образованиям. Не случайно как раз демократические массовые партии (в Германии — социал-демократия и массовое аграрное движение; в Англии — прежде всего пришедшая из Бирмингема, возникшая в 1870-е годы демократия кокусов Гладстона — Чемберлена, в Америке — обе партии, начиная с президентства Джексона¹⁸) целиком покончили в своих собственных партийных организациях с традиционно до сих пор преобладающим в староконсервативных, да и в старых либеральных партиях господством знати, основанным на личных отношениях и личном престиже, и были бюрократически реорганизованы под руководством партийных чиновников, профессиональных партийных и профсоюзных секретарей и т.д. Во Франции попытки создать строгую организацию политических партий на базе требующей этого избирательной системы вновь и вновь терпят крушение, в основном из-за противодействия местной знати, которая препятствует неизбежно разрушающей ее влияние всеобщей партийной бюрократизации, потому что любое применение простой количественной техники выборов, например пропорциональной избирательной системы, предполагает (во всяком случае для крупных государств) жесткую надрегиональную организацию партии и одновременно возрастание господства партийной бюрократии и дисциплины при уменьшении влияния местной элиты. Внутри самого государственного управления прогресс бюрократизации во Франции, Северной Америке, а теперь и в Англии часто идет параллельно демократии. При этом, естественно, надо постоянно иметь в виду, что термин «демократизация» может быть обманчив: демос как неструктурированная масса в больших союзах никогда не управляет сам, но всегда управляется; меняется лишь способ отбора господствующих руководителей и степень влияния, которое демос или, точнее, определенные его круги могут оказывать посредством так называемого общественного мнения на содержание и характер управленческой деятельности. «Демократизация» в подразумеваемом здесь смысле не означает непременно возрастания активной доли

---

¹⁷ Патримониальное судопроизводство было упразднено в 1872 г.

¹⁸ 1829—1837 гг.

подданных, причастных к господству в рамках данного социального образования. Это может, но не обязательно должно быть следствием процесса, который мы здесь имеем в виду. Необходимо еще раз и настоятельно подчеркнуть, что демократия, соответствующая своему понятию, выводит из равенства подданных перед законом также следующие постулаты: (1) препятствование формированию закрытого чиновничьего сословия в интересах общей доступности должностей и (2) минимизация бюрократического господства в интересах максимального расширения сферы влияния общественного мнения, что предполагает выступление везде, где это возможно, за краткосрочное занятие должностей через выборы без учета профессиональной квалификации и с правом отзыва. Тем самым демократия впадает в неизбежное противоречие с созданной ею самой в ходе борьбы против господства знати тенденцией бюрократизации. Мы вообще не принимаем неточное обозначение «демократизация», поскольку под ним понимается сведение к минимуму господства профессионального чиновника в пользу по возможности прямого господства демоса, что, однако, на деле означает господство сегодняшних партийных вождей. Решающим здесь является исключительно *нивелирование подданных* по отношению к господствующей бюрократически структурированной группе, которая при этом, со своей стороны, почти всегда может фактически, но часто и формально занимать абсолютно автократическую позицию.

В России разрушение позиций старой землевладельческой аристократии путем регулирования местничества¹⁹ (иерархии распределения служебных мест) и замещение ее служилой аристократией было характерным промежуточным явлением в ходе бюрократизации. В Китае определение ранга по числу выдержанных экзаменов и тем самым признание чиновнической квалификации имело примерно тот же смысл, хотя и, по крайней мере теоретически, с более значимыми последствиями. Во Франции революция и в решающей степени бонапартизм сделали бюрократию всесильной. В католической церкви начатое Григорием VII, продолженное Тридентским и Ватиканским соборами и, наконец, завершенное распоряжениями Пия X устранение сначала феодальных, а затем вообще всех местных промежуточных властей и превращение их в чистых функционеров центральной инстанции (сопровождающееся постоянным возрастанием фактической роли формально вроде бы полностью зависимых капелланов), связанное прежде всего с политической партийной организацией католицизма, означало наступление бюрократии и одновременно, так сказать, пассивную демократизацию, т.е. *нивелирование подданных*. Замена аристократического войска, основанного на самоэкипировке, бюрократической армией также повсюду являло собой процесс пассивной демократизации в том же смысле, что и любое создание

---

¹⁹ В оригинале — *mjestnitschestwo*.

абсолютной военной монархии на месте феодального государства или аристократической республики. Это относится в принципе, несмотря на все особенности, уже к государственному развитию в Египте. В римском принципате бюрократизация управления провинциями, например в сфере налогового управления, шла рука об руку с элиминацией плутократии разросшегося при республике класса капиталистов и, соответственно, в конечном счете самого античного капитализма.

Очевидно, что в таком «демократизирующем» развитии всегда играют роль определенные экономические обстоятельства. Часто это экономически обусловленное возникновение новых классов самого разного — плутократического, мелкобуржуазного или пролетарского — характера, которые призывают себе на помощь либо вообще вызывают (или возвращают) к жизни политическую власть, будь она легитимного или цезаристского толка, чтобы с ее помощью добиться экономических или социальных преимуществ. Но бывает, и это показал ряд случаев в истории, когда инициатива, наоборот, идет сверху, имеет чисто политическую природу и нацелена на извлечение выгоды из актуальных политических — в частности, внешнеполитических — констелляций, на использование имеющихся экономических и социальных противоречий и классовых интересов исключительно как средства достижения собственных чисто политических властных целей, для этого нарушаются неустойчивые состояния равновесия и извлекаются наружу латентные противоречия интересов. Трудно сделать здесь какие-либо обобщения. Степени и способы влияния экономических факторов крайне разнообразны, так же, впрочем, как и способы влияния политических властных отношений. В эллинской Античности переход к дисциплинированному бою гоплитов и затем, в Афинах, к усилению роли флота стал основой завоевания политической власти теми слоями народа, на чьих плечах лежал груз заботы об армии. Но уже в Риме такие же изменения лишь кратковременно и лишь кажущимся образом нарушили господство служилой аристократии. Современная массовая армия хотя и была повсюду орудием разрушения господства знати, сама, однако, осталась рычагом не активной, но только пассивной демократизации. При этом, конечно, важно, что античная гражданская армия экономически находилась на самоэкипировке, а современная пребывает на бюрократическом обеспечении.

Тот факт, что продвижение бюрократических структур основывалось на их *техническом* превосходстве, объясняет, почему это продвижение, как и везде в технике, тормозилось там, где более старые структурные формы оказывались технически хорошо приспособленными к имевшимся условиям. Так обстояло дело, например, с правлением знати в Англии, которая медленнее всего переходила, а частично только сейчас переходит к бюрократизации. Здесь происходит то же самое, что и, например, в случае, когда развитая система газового освещения или паровая железная дорога с боль-

шими вложенными капиталами тормозят развитие электрификации, а в регионах, где всего этого нет, оно идет быстро и беспрепятственно.

Будучи единожды полностью внедренной, бюрократия оказывается одним из самых трудноразрушаемых социальных образований. Бюрократизация представляет собой особое средство перевода «действия общности» в рационально упорядоченное «обобщественное действие». Как инструмент обобществления отношений господства она поэтому была и остается важнейшим орудием власти того, кто распоряжается бюрократическим аппаратом. При прочих равных возможностях планомерно упорядоченное и руководимое обобщественное действие превосходит любое противоположно направленное действие масс или же действие общности. Там, где бюрократизация управления доведена до конца, создана практически нерушимая форма отношений господства. Конкретный чиновник не может вырваться из аппарата, в который он вовлечен. Профессиональный чиновник в противоположность представителям знати, для которых управление является добровольным и побочным занятием, включен в деятельность всей полнотой своего материального и идеального существования. В подавляющем большинстве случаев он — отдельный специализированный винтик в неутомимо действующем механизме, который предопределяет направление его действий и приводится в движение или останавливается с самых верхов, но (обычно) не с его позиции. Такой чиновник прикован к общности входящих в аппарат функционеров, интерес которой состоит в том, чтобы аппарат работал и обобщественное отношение господства продолжало реализовываться. Подданные, со своей стороны, не могут ни избежать уже существующего бюрократического аппарата господства, ни заменить его, ибо он базируется на профессиональном обучении, профессиональной специализации на основе разделения труда и постоянном настроенном на привычную и виртуозно осуществляемую конкретную функцию внутри планомерно осуществляемого синтеза. Если аппарат вдруг прекратит работу или что-то ему помешает ее выполнять, следствием станет хаос, для преодоления которого трудно будет сымпровизировать замену из массы подданных. Это равным образом относится как к общественному, так и к частнохозяйственному управлению. Зависимость материальной судьбы масс от устойчивого правильного функционирования все более бюрократизирующейся частнокапиталистической организации постоянно растет, и мысль о возможности устранения последней становится поэтому все более утопической. С одной стороны, документ и, с другой, дисциплина чиновника, т.е. настроенность на строгое повиновение в рамках *привычной* деятельности, все чаще являют собой основу любого порядка как в общественном, так и в частном предприятии. И прежде всего — как бы ни был практически важен документальный характер управления — дисциплина. Наивная идея бакунизма о том, что, уничтожив *акты*, можно будет уничтожить основу *присвоенных прав* и само *господство*, не учитывает, что не-

зависимо от документов продолжит существовать настроенность *людей* на соблюдение привычных норм и регламентов. Любое воссоздание разбитых или расформированных воинских формирований, как и любое восстановление разрушенного бунтом, паникой или иной катастрофой порядка управления, происходит путем апелляции к выработанной у чиновников, с одной стороны, и у подданных — с другой, установки на подчинение этому порядку, которая в случае ее актуализации снова «включает» разрушенный механизм. Объективная неизбежность однажды возникшего аппарата вместе с присущей ему безличностью приводят к тому, что, в отличие от феодальных, основанных на пиетете порядков, он всегда готов работать на каждого, кто задумает им овладеть. Рационально организованная система чиновников, даже если территорию занял враг, продолжает безукоризненно функционировать (конечно, при смене верхушки), поскольку это в жизненных интересах всех участников, в том числе — и прежде всего — самого врага. Бисмарк, который в результате многолетнего правления заменил всех самостоятельных государственных деятелей на своих министерских коллег, находящихся от него в безусловной бюрократической зависимости, уйдя в отставку, с удивлением обнаружил, что они без тени колебания и сомнения служат дальше, как если бы не ушел гениальный господин и создатель самих этих креатур, а просто в бюрократическом механизме была заменена одна необязательная фигура на другую. Во Франции при любой смене властителя со времен Первой империи²⁰ аппарат господства остается тем же самым. Благодаря тому, что аппарат, если он распоряжается современными средствами коммуникации (телеграф), делает революцию — в смысле насильственного создания совершенно новых структур господства — все более невозможной и чисто технически, и в силу своей сплошь рациональной организации, он ставит на место «революций», как показывает это классический пример Франции, «государственные перевороты», ибо именно таковыми оказываются все удавшиеся мятежи.

Ясно, что бюрократическая организация социального, а тем более политического образования, со своей стороны, может иметь — и фактически всегда имеет — далеко идущие экономические последствия. Какие именно — это, естественно, зависит от экономического и социального разделения власти в каждом конкретном случае и особенно от области, которую оккупирует возникающий бюрократический механизм, а следовательно, от направления, которое ему указывает власть, им пользующаяся. Очень часто результатом оказывается криптоплутократическое разделение власти. За бюрократическими партийными организациями в Англии и особенно в Америке, как правило, стоят партийным меценаты, которые их финансируют и тем самым получают возможность постоянного влияния. Достаточно известно, например, меценатство пивоварен в Англии, так называемой

---

²⁰ Империя Наполеона, 1804–1815 гг.

тяжелой промышленности с ее избирательным фондом²¹ и Ганзейского союза в Германии. Вообще, бюрократизация и социальное нивелирование внутри политических и особенно государственных образований, связанные с разрушением противостоящих этому локальных и феодальных привилегий, в Новое время часто оказывались на руку капиталу и проводились в прямом союзе с ним. Этому служил великий исторический союз абсолютной княжеской власти и капиталистических интересов²². В общем случае правовое нивелирование и разрушение прочно скрепленных управляемых аристократией локальных образований дают простор движению капитализма. В то же время направление бюрократизации, лишаящее мелкобуржуазный интерес его традиционного гарантированного «питания» (или даже государственно-социалистическое, сокращающее возможности частной прибыли), имевшее место в ряде исторически значимых случаев, особенно в Античности, может в будущем сложиться и у нас. Весьма разное влияние в принципе близкой по типу политической организации в Египте при фараонах, затем в эллинистический и римский периоды говорит об очень широких возможностях экономического воздействия бюрократии в зависимости от роли других имеющихся компонентов. Просто факт наличия бюрократической организации не свидетельствует однозначно в пользу той или иной конкретной формы ее влияния на экономику, по крайней мере не так, как в случае *социальных* последствий, где можно говорить о хотя бы относительном нивелирующем воздействии. Нужно понимать, что бюрократия сама по себе является прецизионным инструментом, который может служить самым разным, как чисто политическим, так и чисто экономическим, да и любым другим интересам господства, поэтому и степень ее «параллельности» демократизации, сколь бы она ни была типична, не стоит переоценивать. Феодальные господствующие слои также при определенных обстоятельствах использовали этот инструмент; существует даже возможность (и она многократно реализована в римском принципате и в разных по форме абсолютистских государственных образованиях) целенаправленно связать бюрократизацию управления с образованием *сословий* или амальгамировать ее путем давления со стороны имеющихся социальных властных группировок. Явно выраженных ограничений на занятие должностей для определенных сословий очень много, фактических — еще больше. Демократизация общества в целом в ее *современном* смысле слова (будь она подлинной или лишь формальной) — хоть и весьма благоприятная, но отнюдь не единственная почва для продвижения бюрократизации вообще, требующая лишь нивелирования сил в той общественной сфере,

---

²¹ Консервативно ориентированный «Центральный союз промышленников», выражающий прежде всего интересы представителей тяжелой индустрии.

²² Имеется в виду эпоха абсолютизма и меркантилизм как экономическая политика. См. также с. 166–167.

которую она намерена оккупировать в данном случае. И тем более нужно иметь в виду тот факт (с ним мы неоднократно встречались и никогда не устанем о нем напоминать), что демократия как таковая, несмотря на то и именно потому, что она неизбежно и вопреки собственному желанию способствует бюрократизации, является противницей господства бюрократии и при определенных обстоятельствах наносит весьма чувствительные удары и создает препятствия бюрократической организации. Значит, в любом конкретном историческом случае нужно обращать внимание на то, в каком особом направлении непосредственно в данной ситуации развивается бюрократизация.

Поэтому нерешенным суждено остаться вопросу о том, характерно ли именно для современных государств, где бюрократизация неуклонно растет, причем для всех без исключения, также универсальное возрастание *власти* бюрократии внутри государственного аппарата. Ведь тот факт, что бюрократическая организация является технически совершенным *средством* власти в руках тех, кто ею распоряжается, ничего не говорит о том, какое давление может создать бюрократия как таковая для продвижения своих представлений в соответствующих социальных образованиях. И постоянно подчеркиваемая «неизбежность» чиновничества, разбухающего до миллионной численности, на самом деле говорит о его власти так же мало, как, например, экономическая необходимость пролетариата — о неизбежности его социальной и политической власти (хотя, по мнению некоторых представителей пролетарского движения²³, дело обстоит именно так); иначе в условиях рабочего труда, когда свободные старались обычно избежать работы, столь же *неизбежная* масса рабов должна была бы оказаться у власти. Следовательно, вопрос о том, возрастает ли власть бюрократии как таковая, нельзя при таких условиях решить *a priori*. Вовлечение заинтересованных лиц или иных, знакомых с предметом нечиновников либо, наоборот, незнакомых с предметом представителей общественности, создание местных, или межрегиональных, или центральных парламентских либо других репрезентативных или профессионально-сословных органов, наделенных правом решения, *кажется* прямо противоречащим этому выводу. Насколько такое представление истинно, должно быть разъяснено в другой главе, а не в этом чисто формальном казуистическом исследовании²⁴.

Обобщая сказанное, можно заключить, что властная позиция развитой бюрократии — это очень сильная, а в обычных условиях — превосходящая

---

²³ Речь идет о диссертации некой Элизабет Георги «Теория и практика всеобщей стачки в рабочем движении», подвергнутой критике Робертом Михельсом (MWG. 1/22-4. S. 213. Anm. 10).

²⁴ В «Хозяйстве и обществе» Вебер больше не обращался к данной тематике, но она получила отражение в его более поздних политических работах (см.: *Вебер Макс*. Политические работы 1895—1919. М.: Праксис, 2003).

позиция. Неважно, кто *господин*, которому она служит: *народ*, вооруженный правом законодательной инициативы, референдума или отзыва чиновников, *парламент*, обладающий правом или фактической возможностью выражать вотум недоверия и избранный на более аристократической или более демократической основе, самопополняющаяся юридически либо фактически *коллегия аристократов*, избранный народом президент, абсолютный или же конституционный *монарх*, — поскольку все они в сравнении с функционирующим в механизме управления обученным чиновником являются дилетантами рядом с профессионалом. Это превосходство профессионально знающего любая бюрократия стремится еще усилить путем *засекречивания* своих знаний и намерений. Бюрократическое управление по своей тенденции есть управление, исключаящее публичность. Бюрократия, насколько ей удастся, скрывает свои знания и дела от критики. Прусские церковные учреждения грозили даже дисциплинарными мерами, если направленные священникам инструкции и указания станут доступны третьим лицам, поскольку это открывает возможность критики в адрес данных учреждений. Финансовые чиновники персидского шаха превратили искусство подготовки бюджета буквально в тайное учение, используя при этом тайнопись. Прусская официальная статистика публиковала в основном только то, что не могло повредить намерениям властвующей бюрократии. Тенденция к засекречиванию существует в силу специфического характера данных в определенных областях управления, т.е. там, где речь идет об отношении соответствующего господствующего образования к его *внешней* среде, скажем, об отношении частного предприятия к экономическим конкурентам или политического образования — к чужим, потенциально враждебным политическим образованиям. Дипломатическая работа, если она рассчитывает на успех, может только весьма условно и в ограниченных масштабах подлежать публичному контролю. Военное управление по мере роста значимости чисто технической стороны дела должно все больше засекречивать свои важнейшие нормы. Политические партии действуют так же и, несмотря на всю демонстративную публичность католических съездов или партийных конгрессов, тем больше склоняются в эту сторону, чем более бюрократизируется партийный механизм. Торговая политика ведет, например, в Германии к засекречиванию статистики производства. Любая враждебность социального образования, направленная вовне, как таковая всегда работает на поддержку сил, находящихся у власти. Но далеко за пределами сферы содержательно мотивируемого сохранения тайны действует чистый властный интерес бюрократии. Ее специфическим изобретением является понятие «служебная тайна», и ничто она не защищает с таким фанатизмом, как этот не связанный с конкретно определенной областью и содержательно никак не мотивируемый принцип. Когда бюрократия сталкивается с парламентом, она, подчиняясь подлинному инстинкту власти, борется против всех его попы-

ток получить собственными средствами (например, путем так называемого *Enquêterecht*, или права расследования) профессиональные сведения от заинтересованных лиц. Плохо информированный и поэтому безвластный парламент для бюрократии, естественно, более желателен, ибо его незнание способствует реализации ее собственных интересов; даже абсолютный монарх — в определенном смысле именно он наиболее беспомощен по отношению к превосходящему бюрократическому профессиональному знанию. Все гневные распоряжения Фридриха Великого об «отмене крепостной зависимости», так сказать, потерпели крушение на пути их реализации, потому что бюрократический механизм их просто игнорировал как якобы продукт случайных озарений дилетанта. Конституционный монарх, если он пребывает в согласии с социально значимой частью своих подданных, очень часто может существенно больше влиять на контролируемый (по причине хотя бы относительной открытости для общественной критики), в том числе им самим, процесс управления, чем абсолютный монарх, целиком зависимый от информации, поставляемой бюрократией. Русский царь при старом режиме²⁵ был зачастую не в состоянии добиться даже самой малости в долгосрочном плане, если это было не по душе бюрократии и шло против ее интересов. Министерства, подчиненные ему напрямую как самодержавному господину, представляли собой, по меткому выражению Леруа-Больё, конгломерат сатрапий, борющихся друг с другом путем личных интриг и бомбардирующих монарха бесконечными объемистыми «памятными записками», против которых он как дилетант был бессилен. Неизбежная с переходом к конституционализму концентрация власти центральной бюрократии в одних руках, т.е. ее подчинение монархической верхушке — премьер-министру, через руки которого теперь проходит все, что попадает к монарху, ставит последнего в значительной степени в зависимость от шефа бюрократии, против чего и выступил Вильгельм II в его известном конфликте с Бисмарком, только с тем чтобы очень скоро взять назад свои возражения²⁶. При господстве профессионального знания реальное влияние монарха может стать устойчивым только благодаря постоянному, планомерно обеспечиваемому центральным руководителем бюрократии взаимодействию с ее шефами. Кроме того, конституционализм связывает бюрократию и властителя в сообщество интересов, направленное против властных устремлений партийных лидеров в парламентах. В то же время *против* бюрократии конституционный монарх бессилен, если он не имеет поддержки в парламенте. В результате ухода «великих рейха» (пруссских министров и имперских высших чи-

²⁵ Имеется в виду ситуация до революции 1905 г.

²⁶ Конфликт, который привел к отставке Бисмарка, касался административного порядка, согласно которому доклады министров должны были попадать к императору только при посредстве прусского премьер-министра, т.е. самого Бисмарка.

новников) германский монарх в ноябре 1908 г. оказался приблизительно в той же ситуации, что и после аналогичных событий в ленном государстве 1076 г.²⁷ Впрочем, это все-таки исключение, потому что властная позиция монарха по отношению к бюрократии при постоянном наличии жаждущих «продвижения» кандидатов, которыми он может заменить неудобных и независимых чиновников, в целом все же намного сильнее, чем в феодальном государстве и в типичном патримониальном государстве. Только экономически независимые, т.е. принадлежащие к имущим слоям, чиновники могут позволить себе при прочих равных обстоятельствах риск потери места: рекрутирование чиновников из неимущих слоев усиливает сегодня, как это было всегда, власть господина. И только чиновники, принадлежащие к социально влиятельному слою, с которым монарх вынужден считаться как с опорой собственной власти (например, так называемые канальные бунтовщики в Пруссии²⁸), могут полностью и надолго парализовать его волю.

Профессиональное знание бюрократов уступает только профессиональному знанию *частнохозяйствующих* субъектов в области экономики. Это потому, что для последних точное знание фактов в своей области — прямой вопрос экономического существования. Ошибки в официальной статистике для повинного в них чиновника не имеют прямых экономических последствий; ошибки в расчетах капиталистического предприятия стоят предприятию потерь, а возможно, и существования. И даже *тайна* как средство власти спрятана в счетных книгах предпринимателя надежнее, чем в учрежденческих актах. Именно поэтому влияние государственных органов на экономическую жизнь в капиталистическую эпоху сильно ограничено, а регулирование со стороны государства часто выливается в непредсказуемые и непреднамеренные действия либо оказывается вообще иллюзорным благодаря превосходящим профессиональным знаниям участников рынка.

Поскольку специализированное профессиональное знание во все возрастающей степени становится основой властных позиций обладателей

---

²⁷ В ноябре 1908 г. произошло «отпадение» «великих рейха», а именно рейхсканцлера фон Бюлова и ряда региональных князей, от кайзера Вильгельма II по причине резких высказываний последнего об Англо-бурской войне, что привело к обострению отношений с Англией. 1076 год отмечен своего рода восстанием князей против императора Генриха IV. В результате он вынужден был совершить покаянноехождение в Каноссу, после чего с него было снято церковное отлучение. Аналогия здесь в том, что в обоих случаях имел место правительственный кризис: высшие чиновники и князья стали в оппозицию государю.

²⁸ Ряд крупных прусских политиков и министров, которые выступили в 1899 г. против строительства Среднегерманского канала (канал Рейн — Везер — Эльба), спровоцировав тем самым правительственный кризис, и были отправлены по личному указанию кайзера во временную отставку.

должностей, то вопрос, как использовать это знание и при этом не впасть в зависимость от его обладателя, сохранив собственное господствующее положение, весьма рано стал предметом заботы *господина*. По мере качественного усложнения задач управления и вытекающей отсюда необходимости специальных знаний возникает типичная ситуация, когда господин не может более довольствоваться советом отдельных доверенных лиц или даже созываемого время от времени в трудную минуту собрания таковых, а окружает себя постоянно заседающими *коллегиальными* корпорациями, дающими рекомендации и принимающими решения (*Conceil d'Etat, Privy Council, Generaldirektorium, Kabinett, Diwan, Tsung-li Ya-men, Waiwupu* и т.д.). Переходным явлением оказываются *Räte von Haus aus*, домашние советы при князьях. Положение таких коллегиальных корпораций, естественно, самое разное, в зависимости от того, являются ли они сами высшим органом управления, или наряду с ними существует монархическая центральная инстанция или несколько таковых, а также в зависимости от принятой в них процедуры. В типичном виде такой совет заседает под фактическим или номинальным председательством господина, все важные вопросы всесторонне освещаются специалистами в докладах и содокладах, мотивированным голосованием всех участников принимается решение, которое затем санкционируется или отвергается распоряжением господина. Такое коллегиальное учреждение является типичной формой, в которой властитель, все более становящийся «дилетантом», использует профессиональные знания и одновременно старается — что часто остается незамеченным — защититься от превосходящей силы профессионального знания и утвердиться в своей господствующей позиции. Властитель сталкивает профессионалов друг с другом и стремится таким обходным путем составить себе полную картину происходящего и добиться определенности, которая подскажет обоснованное решение. При этом максимум собственного влияния он часто обеспечивает благодаря не своему председательству, а изучению документов, на которых основываются мнения участников. Фридрих Вильгельм I, чье фактическое влияние на управление было весьма значительным, почти никогда не присутствовал лично на строго коллегиальных заседаниях министерских советов, но выражал свое мнение в заметках на полях докладов либо в указах, которые после совещания с членами кабинета — лично ему глубоко преданными придворными — от имени кабинета доставлялись фельдъегерями соответствующим министрам. Кабинет, вызывавший ненависть профессиональной бюрократии, а в случае неудач — недоверие подданных, выполнял в России, как и в Пруссии и в других государствах, функцию в некотором смысле персональной крепости, куда властитель мог скрыться от профессионального знания и неумолимой предметности бюрократов.

Посредством принципа коллегиальности господин также пытается сплотить *специалистов-профессионалов* в своего рода коллективное един-

ство. Успешно ли, в целом определить невозможно. Само это явление свойственно самым разным государственным формам, от патримониального и ленного государства до раннего бюрократического, однако прежде всего характерно для возникающего княжеского абсолютизма, будучи одним из самых сильных средств воспитания деловитости в управлении. Благодаря привлечению частных лиц, пользующихся влиянием в обществе, оно также позволяло сочетать определенную долю авторитета аристократов и частных предпринимателей с профессиональными навыками чиновников. Коллегиальные инстанции были одними из первых образований, вызвавших к жизни современное понятие *учреждения* как независимого от личности долговременного образования.

Пока профессиональное знание в управленческих делах было исключительно продуктом *эмпирического* навыка, а нормы управления — не регламентом, а частью традиции, совет *старейших*, нередко с участием священников, отставных государственных деятелей и знати, как правило, оказывался адекватной формой таких поначалу лишь совещательных инстанций при господине, которые, однако, продолжая существовать при сменяющихся друг друга властителях, постепенно забирали себе действительную власть. Примером может служить римский сенат или венецианский Совет, так же как афинский ареопаг до его свержения и господства демагогов. Собственно, обсуждающиеся здесь корпорации, возникшие на почве рациональной *профессиональной* специализации и господства профессионального знания, нужно отделить от таких инстанций в качестве самостоятельного типа, несмотря на то что между ними имеется множество переходных форм. В то же время эти профессиональные корпорации нужно отличать от распространенных в современном государстве консультативных советов, ядро которых образуют нечиновники или бывшие чиновники, набираемые из представителей *деловых* кругов. Можно в конечном счете отличать их социологически и от существующих в сегодняшних частнохозяйственных бюрократических образованиях (акционерных обществах) контролирующих инстанций (наблюдательных советов), хотя последние нередко расширяются путем привлечения представителей знати из неделовых кругов, иногда из-за важности знаний, которыми они располагают, а иногда просто для целей рекламной презентации. Обычно такие образования состоят не из обладателей особых профессиональных знаний, а из персон, представляющих экономические и финансовые интересы, например, из представителей инвестирующих в предприятие банков, которые как таковые выполняют не только совещательные, но по меньшей мере контролирующие, а часто фактически и господствующие функции. Их можно приравнять, скорее (хотя и не без некоторого насилия), к собраниям самостоятельных владельцев крупных ленов и должностей и других влиятельных фигур патримониальных и феодальных политических образований, которые иногда становились предшественниками разного рода советов, возникавших

вследствие возраставшей интенсивности управления, а еще чаще — предшественниками сословных корпораций.

Этот бюрократический принцип коллегиальности регулярно переносился с центральной на различные нижестоящие инстанции. Внутри, как правило, локально замкнутых городских образований коллегиальное управление является, как уже было отмечено [с. 24–26], формой господства *знати* (посредством первоначально избираемых, а позднее — в большинстве своем, по крайней мере частично, кооптированных советов и коллегий магистратов, декурионов, шёффенов). Следовательно, коллегиальное управление — нормальная составная часть организации самоуправления, т.е. решения управленческих задач заинтересованными лицами на местах под контролем государственных бюрократических инстанций. Приводившиеся в пример венецианский Совет и в еще большей степени римский сенат представляют собой результат перенесения на большие морские империи существующей обычно на почве локальных политических союзов формы господства знати. В бюрократическом государстве коллегиальное управление исчезает, когда с развитием коммуникаций и технических требований к управлению на передний план выступают потребность в быстрых и однозначных решениях и другие обсуждавшиеся выше обстоятельства [с. 41–54], порождающие полную бюрократию и монархию. Оно исчезает также в условиях развития парламентских институтов и, как правило, одновременно с этим повышением объема и открытости критики извне, в результате чего закрытость и единство в руководстве начинает казаться, с точки зрения интересов господствующих, более важным, чем даже основательность в подготовке решений. Насквозь рационализованная французская система профессиональных министров и префектов имеет поэтому в современных условиях все шансы отеснить старые формы, будучи, возможно, дополненной уже упомянутой [с. 64–66] и все чаще встречающейся, а также все более формально упорядочиваемой системой совещательных инстанций из заинтересованных лиц, представляющих экономически и социально влиятельные слои. Это последнее явление, которое воплощает стремление поставить конкретные профессиональные знания заинтересованных лиц на службу рациональному управлению профессиональных чиновников, имеет, несомненно, большое будущее и усиливает власть бюрократии. Известно, как Бисмарк планировал использовать Совет народного хозяйства в качестве инструмента против парламента и, столкнувшись с голосовавшим «против» парламентским большинством, которому он никогда не дал бы права на расследование по типу существующего в английском парламенте, со своей стороны, упрекал его в том, что оно стремится в интересах парламентской власти не дать чиновничеству стать «слишком умным». Впрочем, вопрос о том, какое место будет отведено в будущем союзам по интересам в системе управления, не относится к нашей теме.

Лишь бюрократизация государства и права предполагает возможность окончательного четкого понятийного отделения *объективного* правового порядка от гарантируемых им *субъективных* прав индивида, а также разделение *публичного* права, регулирующего отношения учреждений друг с другом и с подданными, и *частного* права, касающегося отношений подданных между собой. Бюрократизация государства предполагает понятийное отделение государства как абстрактного носителя прав господства и творца правовых норм от всех персональных прав конкретных личностей. Это формы представлений, которые были еще совершенно чужды существу *добюрократической* структуры господства (в особенности патримониальной и феодальной). Сначала такое понимание оказалось реализуемым и реализованным на почве городских общин, когда должности стали предоставляться посредством периодических *выборов* и когда конкретный, даже наивысший господствующий на данный момент носитель власти сразу же перестал отождествляться с тем, кто господствует в силу «собственного права». Но лишь полное обезличивание отправления службы в бюрократии и рациональная систематизация права сделали это различие принципиальным.

В данной работе невозможно проанализировать далеко идущие общие культурные воздействия, которые оказывает продвижение рациональной бюрократической структуры господства как таковой, независимо от области, которую она захватывает. Естественно, такое развитие ведет к более рациональному оформлению жизни. Однако понятие «рациональности» допускает весьма разные толкования. В самом общем плане можно лишь сказать, что бюрократизация любого господства в очень значительной мере способствует развитию рациональной деловой направленности, профессионализации и специализации человечества со всеми вытекающими отсюда разнообразнейшими последствиями. Кратко остановимся только на одной важной составляющей этого процесса — его воздействии на способы *воспитания* и *образования*. Наши континентальные западные воспитательные учреждения, особенно высшие: университеты, технические высшие школы, торговые высшие школы, а также гимназии и другие средние школы, — руководствуются настоятельной потребностью в такого типа образовании, которое ориентировано на все более неизбежную при современном бюрократизме систему профессиональной аттестации, т.е. на обучение профессии. «Профессиональная аттестация», как она понимается ныне, имела и имеет место и вне собственно бюрократических структур и характерна сегодня для «свободных» профессий врача и адвоката и организованных по цеховой модели ремесел. Она не является неотъемлемым сопутствующим признаком бюрократизации: французская, английская, американская бюрократии долгое время преимущественно или полностью ее избегали; она заменялась обучением и деятельностью в партийном аппарате. Демократия занимает по отношению к профессиональному экзамену, как и ко всем явлениям порождаемой ею бюрократизации, двойственную

позицию: с одной стороны, она предполагает (или *кажется*, что предполагает) отбор самых квалифицированных из всех социальных слоев взамен господства знати; с другой стороны, она опасается, что благодаря аттестациям и образовательным сертификатам возникнет привилегированная каста и, естественно, борется против этого. И наконец, профессиональная аттестация практиковалась уже в добюрократические и полубюрократические эпохи. Исторически первым местом ее устойчивого существования являлись *пребендально* организованные системы господства. Получение пребенд (сначала у духовенства, как на исламском Востоке и средневековом Западе, затем, как, собственно в Китае, и среди мирян) — вот типичная награда, предвкушение которой заставляло учиться и экзаменоваться. Но такие экзамены лишь отчасти имеют действительно профессиональный характер. Только современная полная бюрократизация дает начало неуклонному развитию рациональной профессиональной аттестации. *Civil Service Reform* постепенно импортирует профессиональное обучение и аттестацию в Америку, также из основного европейского питомника — Германии они проникают и в другие страны. Растущая бюрократизация управления повышает значение профессионального обучения и аттестации в Англии, стремление заменить полупатримониальную старую бюрократию современной привело их в Китай, бюрократизация капитализма и его потребность в профессиональных техниках, служащих и т.д. распространяет их на весь остальной мир. Этот процесс стимулируется прежде всего социальным престижем, обретаемым благодаря полученному в результате профессиональной аттестации образовательному сертификату, тем более что престиж, в свою очередь, трансформируется в экономические выгоды. Если раньше, для того чтобы тебя признали равным, годным к обучению и вообще способным к занятию государственной должности, требовалось (везде, где аристократия еще сохраняла общественное влияние) доказательство благородного происхождения, то теперь требуется образовательный сертификат. Возможности, предоставляемые дипломами университетов, технических и торговых школ, стремление вводить образовательные сертификаты вообще во всех областях привели к формированию привилегированного слоя в бюро и конторах. Обладание сертификатом позволяет претендовать на брачный союз с представительницами более высокого сословия (в конторе оно, естественно, повышает шансы на руку дочери шефа), на допуск в круг избранных, на «приличествующее сословию» вознаграждение вместо оплаты по труду, на гарантированное продвижение по службе и обеспечение в старости и, самое главное, на монополизацию социально и экономически выгодных мест в пользу дипломированных претендентов. И если мы слышим повсюду требование введения сертифицируемых образовательных курсов и профессиональных аттестаций, то основание этого, разумеется, не вдруг проснувшаяся потребность в образовании, а стремление ограничить предложение мест и монополизи-

ровать его в пользу обладателей образовательных сертификатов. Экзамен сегодня является универсальным средством этой монополизации, отсюда его неудержимое распространение. И так как необходимое для получения сертификата прохождение курсов предполагает существенные расходы и затраты времени, то это требование означает также оттеснение таланта («харизмы») в угоду богатству, ибо «духовные» издержки при получении сертификата обычно низки и с массовостью сертификации не возрастают, а, скорее, снижаются. Рыцарский образ жизни, без которого невозможна была раньше ленная квалификация, заменен у нас его сегодняшним рудиментом — причастностью к деятельности выдающих сертификаты высших школ, а в англосаксонских странах — участием в спортивных и клубных образованиях. В то же время бюрократия везде стремится к созданию своего рода права на должность путем выработки регламентированной дисциплинарной процедуры, устранения произвола начальника по отношению к подчиненному, гарантирования положения чиновника, его упорядоченного продвижения, пенсии в старости, и в этом находит поддержку демократического общественного мнения, которое требует сведения к минимуму господства и хочет при этом надеяться, что любое ослабление произвола господина по отношению к чиновникам есть ослабление власти господина вообще. По всем этим причинам бюрократия и в торговой конторе, и на общественной службе является носителем специфического *сословного* развития, подобно тому как его носителями были совсем иначе отбираемые должностные лица прошлого. Ранее уже указывалось, что сословные качества обычно используются бюрократией в техническом смысле для решения ее специфических задач. Как раз против этого неизбежного сословного характера всегда выступает демократия, стремясь ввести вместо назначения чиновников их выборы на короткий срок, вместо упорядоченной дисциплинарной процедуры — отзыв путем народного голосования, т.е. стремясь заменить произвол иерархически вышестоящего господина таким же, по сути, произволом подданных или, соответственно, господствующих над ними партийных вождей.

Социальный престиж, жидущийся на преимуществах определенного воспитания и образования, сам по себе присущ не только бюрократизму. Только в других структурах господства он опирается на существенно иные содержательные основания: в феодальной, теократической, патримонической структурах господства, в английском аристократическом управлении, в древнекитайской патримонической бюрократии, при господстве демагогов в эллинской так называемой демократии — везде целью воспитания и основой социального оценивания (при том что все эти случаи сильно отличаются друг от друга) являлся не «профессионал», а, если использовать модное словосочетание, «культивированный человек». Выражение это совершенно не оценочное и употребляется только в том смысле, что целью воспитания было привитие образа жизни, ко-

торый *считался* «культивированным», а вовсе не специализированное профессиональное обучение. Так, в зависимости от времени и места, либо в рыцарском или аскетическом, либо (как в Китае) в литературном, либо (как в Элладе) в гимнасическо-мусическом духе или в духе конвенционального английского джентльментства *культивированная* личность воплощала в себе идеал образования, сформированный под влиянием структур господства и обстоятельств принадлежности к господствующему слою. Принадлежность к таковому определялась степенью *культурного качества* (в насковзь релятивном, свободном от ценностей смысле, в котором употребляется здесь это понятие), а не профессиональным знанием. Военные, теологические, юридические профессиональные знания, конечно, также были предметом внимания и заботы. Но и в эллинском, и в средневековом, и в китайском образовании центр тяжести составляли совсем иные, чем профессионально необходимые знания. Во всех современных рассуждениях об основах образовательной системы в каком-то определяющем пункте обязательно скрывается обусловленная неудержимым ростом бюрократизации всех общественных и частных отношений господства и возрастающим значением профессионального знания и касающаяся всех интимнейших вопросов культуры борьба *человека-профессионала* против старого *человека культуры*.

Бюрократическая организация в своем развертывании должна была преодолеть не только уже названные [с. 54–58, 61], в сущности негативные, сдерживающие факторы требующегося ей нивелирования. С ней перекрещивались и перекрещиваются еще и формы управленческих структур, которые основывались на гетерогенных принципах и вскользь уже были нами затронуты [с. 37, 41–42, 49, 60–61]. Нет необходимости перебирать здесь все реально существующие типы (это завело бы нас слишком далеко), но имеет смысл продемонстрировать, по возможности в упрощенном и схематическом виде, их наиболее важные структурные *принципы*. При этом нужно постоянно иметь в виду необходимость отвечать на следующие вопросы (хотя и не только на них): (1) в какой мере эти принципы обусловлены экономически; или же возможности их развития созданы другими, например чисто политическими, факторами либо, наконец, порождены специфичностью их технической структуры как таковой? (2) оказывают ли они, со своей стороны, какое-либо (и какое именно) экономическое влияние? При этом, естественно, следует с самого начала не упускать из виду текучий характер и взаимопереходы этих форм. Их чистые типы нужно рассматривать как особо ценные и необходимые для анализа пограничные случаи, между которыми двигалась и движется всегда выступающая в смешанных формах историческая реальность.

Бюрократическая структура везде является поздним продуктом развития. Чем далее мы двигаемся назад во времени, тем типичнее для форм господства отсутствие бюрократии и чиновничества вообще. Бюрократия

имеет рациональный характер: правило, цель, средство, «вещная» безличность господствуют в ее манере. Ее возникновение и распространение поэтому везде оказывали необычайное, в определенном смысле революционное воздействие, о котором мы еще будем говорить [с. 185], и, как правило, сопровождалось наступлением *рационализма* во всех областях. При этом бюрократия уничтожала структурные формы господства, которые не обладали рациональным характером в этом особом смысле слова. Спросим теперь: что это были за формы?

ПАТРИМОНИАЛИЗМ

Сущность и возникновение патриархального господства с. 72. — Господство знати и чистый патриархализм с. 75. — Патримониальное господство с. 76. — Патримониально-государственная структура господства с. 80. — Властная позиция патримониального властителя: патримониальное и внепатримониальное войско; политическое господство патримониального господина в силу традиционной легитимной господской власти с. 82. — Патримониальное покрытие потребностей. Литургии и солидарная ответственность; принудительные союзы с. 89. — Патримониальные учреждения. Патримониальное чиновничество и его отличие от бюрократического с. 92. — Снабжение патримониального чиновничества. Натуральные и денежные пребанды с. 99. — Стереотипизация и децентрализация патримониального управления. Последствия апроприации и монополизации должностей; государство привилегий с. 105. — Защита единства патримониального господства от распада с. 110. — Примеры функционирования патримониального управления: античный Египет с. 112. — Китайская империя с. 115. — Децентрализация патримониального господства: сатрапии и удельные княжества с. 118. — Патримониальный господин и местные землевладельцы с. 122. — Аристократическое управление в Англии через мировых судей джентри. Формирование типа «джентльмена» с. 125. — Царистский патримониализм с. 132. — Патримониализм и сословная честь с. 135.

Из добюрократических структурных типов господства, безусловно, самым важным является *патриархальное* господство. По сути, оно основывается не на обязательном служении объективной безличной цели и подчинении абстрактным нормам, а как раз наоборот — на исключительно личных отношениях пиетета. Своим существованием оно обязано авторитету главы дома в рамках домашней общности. Авторитарная позиция последнего есть *личная* позиция, но своим постоянством и повседневным характером она напоминает бюрократическое господство, заключающееся в служении безличным целям. В конечном счете внутренним основополагающим принципом и того и другого типа является то, что подчиняющиеся подчиняются *нормам*. Только в условиях бюрократического господства нормы создаются рационально, апеллируют к абстрактной легальности, усваиваются в ходе технического обучения, а при патриархальном господстве они, наоборот, основаны на *традиции*, т.е. на вере в нерушимость на-

Научное издание

Макс Вебер

ХОЗЯЙСТВО И ОБЩЕСТВО
Очерки понимающей социологии

В четырех томах

Том IV
ГОСПОДСТВО

Перевод с немецкого под общей редакцией Л.Г. Ионина

Зав. редакцией *Е.А. Бережнова*

Редактор *Г.Е. Шерихова*

Художник *В.П. Коршунов*

Компьютерная верстка: *О.А. Быстрова*

Корректор *Е.Е. Андреева*

Подписано в печать 30.09.2019. Формат 70×100¹/₁₆
Печать офсетная. Гарнитура Newton
Усл. печ. л. 44,2. Уч.-изд. л. 36,6. Тираж 1000 экз. Изд. № 2060

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел.: (495) 772-95-90 доб. 15285

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpd.ru, e-mail: sales@chpd.ru
Тел.: (499) 270-73-59